

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
рейхсфюрер

**Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные
Руки – рейхсфюрст**
Серия «Ричард Длинные
Руки», книга 35

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3574405

Ричард Длинные Руки – рейхсфюрст: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-57278-6

Аннотация

Окно в океан прорублено мечами, в защищенной от нападений бухте ударными темпами строятся каравеллы, каких не знало королевство Сен-Мари. Адмирал Ордоньес набирает команды и в спешке обучает работе с парусами и приемам абордажного боя.

Священники поплывут на одних кораблях, а колдуны, маги, чародеи и алхимики – на других.

Сразу же, как только...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	26
Глава 4	39
Глава 5	51
Глава 6	65
Глава 7	76
Глава 8	87
Глава 9	100
Глава 10	112
Глава 11	123
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные

Руки – рейхсфюрер

*Во всем, что не связано с религией или моралью,
опасно долгое время быть правым.*

Часть первая

Глава 1

Тролли режут дико и злобно, но острия копий остановились у моей груди, а вскинутые дубины замерли в воздухе. Маленькие злобные глазки перебрасывают острые как булавки взгляды с меня на могучую троллиху и обратно.

Я стиснул челюсти и, преодолевая себя, взял эту зеленую жабу из ее рук. Фэдда заулыбалась, а я, растянув рот до ушей, вскинул над головой ребенка.

Тролли все еще потрясают копьями, острые наконечники почти касаются моей груди и лица, но теперь у меня на руках это вот самое, рядом встала мощнобедрая Фэдда с довольной рожей, смотрит поощрительно на меня и снисходительно на

рычащих озлобленных сородичей.

Грозный рык и рев начали затухать медленно и неохотно. Я смотрел на отвисающие в растерянности тяжелые нижние челюсти, а в душе поднимается жгучая тоска, вот так мечтаешь о неземной любви, а получается вот такое, типичная ситуация женатого человека.

– Какой, – сказал я через силу, – чудесный у меня малыш! Вижу, хороший аппетит. В папу...

Фэдда проревела довольноно:

– Жреть как не знаю хто!

– Это хорошо, – сказал я веско. – Мы, тролли, здоровый народ со здоровым аппетитом и здоровыми взглядами и потребностями! Потому мы и в лесу... Но об том в другой раз, а сейчас, милая Фэдда, пойдем в дом. Поговорим о семейных ценностях, не сильно ли скучала, какие новости, посмотрю, какой супчик у нас сегодня...

Тролли обалдело умолкли, нижние челюсти так и остались отвисшими. Троллиха повернулась и пошла обратно через сомкнувшуюся было толпу.

Я двинулся следом, у меня оправдание, что не прю впереди: ребенок на руках, берегу свое сокровище.

Плотная масса нехотя раздалась перед нами, на оскаленные морды смотреть страшно, я опустил взгляд и не отрывал глаза от неимоверно толстого зада Фэдды, блестящего, раздутого изнутри так, что вот-вот лопнет.

Наконец толпа осталась позади, но я все еще не мог не

смотреть на эти две колыхающиеся половинки, каждая как Монгольфье. А когда вспомнил, как и что я однажды с ними проделывал, в груди растеклась суровая мужская гордость, такого бегемота вот, ага, это же надо, вообще-то в самом деле я орел, когда в ударе...

...и в то же время горечь в груди, эльфяшку даже толком в руки не брал, а этого жабенка сам вот несую, показываю всем, мол, горжусь, видите, какой здоровый, и зубы уже какие, вы только посмотрите!

Дом у Фэдды не совсем дом, тролли живут огромными семьями, в этой крепости залы превращены в огромные бараки, посредине каждой расположились длинные массивные столы, а под всеми стенами тянутся широкие лежа, их настолько много, что смыкаются краями.

– Эта самец или самочка? – спросил я. – Ух ты, в самом деле самец... Крепенький такой! Тебя как зовут?

Младенец смотрел на меня желтыми глазами на зеленой харьке, а Фэдда проговорила басом:

– Еще нет имени...

– Тогда самое время ему дать, – сказал я авторитетно.

– Ну, – ответила она, – дай.

– Назовем его Растером! – сказал я с подъемом. – Это в духе взаимопонимания между народами и укрепления мира во всем толерантном и политкорректно мультикультурном.

Она переспросила:

– Растером? Почему?

– Растер, – объяснил я, – великий герой. К тому же гуманист и мультикультурист. Хотя он больше по гарпиям, но думаю, просто не видел ваших красавиц!

– По гарпиям? – переспросила она с уважением. – О, да, это герой.

Я вздрогнул, младенец ухватил крохотными лапками мой палец, потянул в рот, как все младенцы делают, а там неожиданно тяпнул так, что я охнул и попытался отдернуть руку, но он вцепился крепко и почти повис.

Я поискал взглядом колыбельку и поспешно опустил его туда, там мох и толченая сухая кора, не сразу сообразил даже, что зубов у зеленой зверюшки все еще нет, а пока только плотная роговая пластина, как у ящерицы или лягушки. Они тоже могут уцепиться пастью за палец и висеть так, совсем не больно, хотя силу челюстей гигантской лягушки чувствуешь, однажды у меня даже палец посинел.

Фэдда смотрела с любящей улыбкой.

– Какой милый ребеночек, – сказал я радостным голосом, – какой хваткий! У-тю-тю!

– И какой крепкий, – проговорила она довольно.

– Метис, – пояснил я. – Говорят, от смешанных браков дети становятся иммуннее и крепче. И вообще когда-то все расы сольются в одну большую кучу... Вот будет оргия!

– Ага, – сказала она. – Смотри, он почти не зеленый. Это не заразно?

Я сказал обидчиво:

– Я же не зеленый?

– Ты тоже крепкий, – сказала она одобрительно. – И здоровенький.

– А уж ты, – пробормотал я. – Походи еще по залу...

– Просто походить?

– Да, – ответил я. – Можешь даже не петь.

Она с удовольствием начала ходить из стороны в сторону, а я смотрел и дивился этим колыхающимся и таким тугим выпуклостям, что так и раскачиваются по мощной амплитуде. При каждом шаге обе половинки задницы сдвигаются влево на ярд, а затем на ярд идут в другую сторону.

И ничего уродливого, такие каноны прекрасного, как будто на нее смотрели наши предки, когда вырубали из камня статуэтку скифской богини красоты и плодородия.

– Ты поведешь мужчин в поход? – спросила она.

– Да, – ответил я. – Ты ходи, ходи, не останавливайся...

Разве жизнь мужчин не вся в походе? Конечно, я говорю о достойных. Любителей полежать и похрюкать в расчет не беру... Какие они у тебя оттопыренные при таком-то весе!.. Мужчины должны жить в постоянной борьбе... Чего он там скалится? Ишь, зубешки какие...

– Давай его сюда, – сказала она любовно.

– Ты его еще грудью кормишь?

– Нет, уже кусается. Но на руках сидеть любит. Я его уложу, а тебе дам супа.

Я сказал поспешно:

– Да я совсем не голоден!

Она спросила в недоумении:

– Но ты сказал...

– Это я хотел остаться с тобой наедине, – объяснил я. –

Ну что мне на те рожи смотреть, когда у меня есть ты, такая красавица?.. Вон какая задница, еще больше стала! И не обхватишь...

Она довольно заулыбалась, но напонила:

– Так что суп?

– А он с лягушками? – спросил я.

Она ответила недоуменно:

– Не-ет...

– Не пойдет, – сказал я решительно. – Я ем только с лягушками. И чтоб майских жуков для приправы не меньше двух пригоршен... или одной твоей!.. Я же не простой тролль, я вождь!

Она с удовольствием хихикнула, мощные груди подпрыгнули и красиво заколыхались.

– Это хорошо... Мой ребенок от вождя!

– Еще какого, – подтвердил я, не в силах оторвать взгляд от этой колыхающейся массы. – Он далеко пойдет, обещаю. Ты сейчас займись малышом, а я сварганю обед...

Она охнула, груди пошли подпрыгивать еще сильнее.

– Обед?

Я сказал успокаивающе:

– У нас это иначе.

Никогда еще я не сосредотачивался на приготовлении обеда с таким напряжением. Куски мяса начали появляться друг за другом, я навалил на столе целую гору, ощутил озноб, перетрудившись, но нашел в себе силы сотворить чашу крепкого и сладкого кофе, хлебнул обжигаясь, и в тело начала возвращаться жизнь. Даже не представляю, как Он накормил пять тысяч человек, не считая женщин и детей, да и зачем их считать – разве они едят?.. – пятью хлебами и двумя рыбами? Да еще осталось двенадцать полных коробов! Не иначе рыбами тогда звали китов, мол, чудо-юдо рыба-кит по веревочке бежит, а хлеб пекли для соревнования между городами, когда каждый каравай весом в сто тонн и размером с три сарая...

Федда смотрела, набычившись. Между массивными скальными выступами надбровных дуг и скулами настолько узкие щели, что вытаращила она глаза или сузила, не рассмотреть, но могучие груди к моему облегчению и даже странноватому удовольствию запрыгали вверх-вниз снова.

– Ха-ха... хороший обед!

– Мясо, – заверил я, – Балшой Мясо!.. Ешь.

Она взяла крупный ломоть, обнюхала с недоверием и дала ребенку. Он ухватил обеими лапками и с рычанием впился своими роговыми пластинками.

– Правильно, – одобрил я. – Сперва на детях.

Она указала кивком на могучее ложе у стены, где медвежья шкура на полу, медвежья вместо покрывала и медвежья,

свернутая в рулон, вместо подушки.

– Я сплю вот там. И лежу...

Мои плечи сами по себе передернулись, я сказал громко и с сожалением:

– Ах, как жаль, что у меня совсем нет времени!.. Нужно собрать наших воинов, чтобы помочь людям в их нелегкой войне против людёв. Не провожай, я иду говорить с мужчинами и... по-мужски.

Глава 2

Тролли народ простой и понятный, зря не умничают, да и вообще не умничают, с ними всегда уютно, вокруг крепости никаких консерваторий, а только кузницы, бронницы, оружейные и еще деревья с ободранной корой, на которых молодежь разучивает удары.

Я вышел, раздвигая плечи и гордо выпятив грудь, с намекающей ухмылкой поправил штаны.

Тролли тут же побросали свои занятия и начали стягиваться ко мне, не выпуская из могучих лап кто топор, что молот, кто лопату.

Мороз пробежал у меня от затылка и до того места, где спина называется как-то иначе, никак не вспомню, там юркнул в такую-то непонятную норку, где только ее и нашел, и мне стало холодно теперь еще и внутри.

Я улыбнулся, как тролль: широко, чистосердечно и злобно, вскинул руки в красивом жесте. Тролли посмотрели на мои руки, потом на меня.

– Ну, – заявил я мощно, стараясь выглядеть и говорить, как урожденный тролль, – орлы мои зеленые, наступило новое время! Абисняю! Вы прибыли в этот дремучий лес и начали как бы жить по своим исконно-посконным правилам, традиции... можно даже с большой буквы – Традиции, ибо Традиция – спасает мир от всяких либеральных ценностей.

Но глупые люди вас не поняли, а злой король Гиллеберд вообще велел вас обижать и мучить...

Они слушали внимательно и недоверчиво, но мало-помалу хмурые рожи начали проясняться, из темно-зеленых прямо на глазах становясь светло-зелеными.

Самые ближние ко мне заревели и заорали:

– Верна!

– Пральна!

– Так!

Я вскинул руку и продолжил:

– Я когда узнал, что моих кровных сородичей злой король обижает, сразу же вторгся в эти земли! Короля весьма убил за такое злодеяние и сказал, что отныне все будет иначе...

А это значит, как сами понимаете, тролли – самая мудрая раса! Великий и древний народ троллей займет свое законное и достойное место! Я, к примеру, только троллям могу доверить самое важное и ответственное в моем королевстве, что не могу поручить даже людям: дробить скалы в каменоломнях или же прокладывать путь для железной дороги, ибо никто из людей не сможет филигранно и ювелирно точно засыпать болота, делать насыпь или, напротив, прорывать глубокие и широкие каналы!

Они ревели в восторге, как от высокой оценки их качеств, так и от ошеломляющих перспектив засыпать болота и рыть каналы.

Я заметил, как из боковой двери вышел Чандлер, помахал

ему рукой. Верховный шаман нахмурился, но пошел в нашу сторону.

– Дорогой друг, – сказал я патетически и возвышенно, – готовь отряд лучших из лучших воинов! Таких, которые не посрамят высокое и даже, не побоюсь этого глубинного значения слова, высочайшее имя троллей!

Чандлер протиснулся ближе, глаза все еще зыркают с недоверием и злобной подозрительностью.

– Зачем?

Рыкающий голос вождя прогремел подобно грому. Я в ответ широко заулыбался и развел передними конечностями в широком жесте искреннего троллизма.

– Дорогой друг! Разве это не бытовая поговорка троллей, что мы рождаемся для битв и славной гибели?

Он рыкнул:

– Ну?

– Они отправятся, – заявил я торжественно, – в великий поход бок о бок с моими лучшими воинами из людского племени! Я есть хоть и тролль, но еще и человек, так что правлю людским королевством мудро и справедливо, как умеем только мы, благородные тролли, соль и мудрость этого мира!

Тролли слушают жадно и с постепенно разгорающимся огнем в маленьких глазках на широких мордах. Чандлер наблюдал за мной внимательно, мне даже показалось, что не столько вникает в слова, как читает мою мимику. Я тут же постарался говорить так искренне, как говорил бы тролль,

воспитанный людьми, или человек, родившийся в племени троллей и живущий их идеями, стремлениями и чаяниями простого троллизма и всеобщей троллизации.

Чак по знаку Чандлера неохотно выскользнул из толпы и куда-то умчался. Хороший знак, дисциплинка есть, тут со знатностью рода не очень считаются. Тролли – настоящие демократы и либералы в натуре, очень хорошо.

– Говоришь, – спросил Чандлер с сильным сомнением, – это другие люди?

– Абсолютно! – заверил я.

– Не те, – уточнил он, – что нападали на моих людей?

– Нет!

– И не те, что пытались даже войти в лес?

Я замотал головой.

– Большой отряд самых отважных героев сейчас приблизился к вашему лесу и почтительно остановился на опушке, ибо это ваш лес! Входить можно только по вашему приглашению. Вот и ждут. Хотя там ваши друзья, что помогали с переселением среди зимы...

Он прорычал:

– Это кто?

– Возглавляет их сам Растер, – заявил я, – с которым вы так подружились. Ты его помнишь? Вы точно братья, раз даже твои люди не могли вас различить. Ну разве что у него морда не зеленая, но зато такая же красная... Выйди из леса и увидь тех, кто разгромил и уничтожил мерзких и подлых

людишек, нападавших на твой избранный зелеными богами народ!.. Так что теперь вы пойдете, как лю... носители общей идеи гуманизма и либеральных ценностей, а кто их не понимает, того мы будем по голове, по голове!..

Он смотрел все еще с сомнением, но вожаки отрядов уже толкают его, теребят и требуют, чтобы ответил согласием и послал их навстречу людям, что вполне могут быть теми, кто помог им перебраться из бедного леса, где жили в хижинах, в этот огромный и богатый, заселиться в мощную заброшенную крепость, в которой теперь так удобно.

– Хорошо, – сказал Чандлер все еще в раздумье, – я сам поведу отряд... Небольшой. Чтобы посмотреть, кто там... и те ли самые люди...

– Отлично, – одобрил я, стараясь не показывать, что все время еще трусливо сжимался, вдруг не поверят, а зубы у них вон какие. – Просто как бы замечательно!.. Ты принял мудрое решение, вождь, потому что тролли – самые умные и глубокомыслящие существа во всем этом громадном лесу!

Тролли одобрительно проревели. Чандлер кивнул.

– Ну... да, а как же?

– Я сейчас же выезжаю, – сказал я торопливо, – и предупрежу всех там, чтобы встретили вас с почтением!.. Зайчик!.. Ты где, морда?

Но первым прибежал Бобик, бока раздутые, словно сожрал целое стадо породистых коров холмогорской породы. Тролли, как и все нормальные мужчины, любят крупных со-

бак, а это значит, что эту хитрую псяку кормили, чесали и баловали.

Зайчик примчался, волоча за собой столб коновязи и полсарая. Тролли ржали, как огромные зеленые кони, тыкали пальцами в бегущих следом испуганных и обескураженных конюхов-троллей и ржали, похрюкивая от восторга.

Я бодро вскочил на арбогстра, поднял его на дыбы и вскинул руку в красивом салюте. Наконец-то научился так делать, скоро можно будет и перед дамами выпендриваться, а пока на троллях потренируюсь.

Я несся к выходу из леса, пока там сэра Растер не вздумал переть за мной следом, в голове стукались лбами мудрые и просто удивительно замечательные мысли и новые идеи, рожденные обстоятельствами, как вот, к примеру, предложить это вот зеленое в супруги принцу Рудольфингу, в ответ на предложение династического брака между нашими кровавыми режимами.

Ах да, там же самчик, ну и это ладно, что-нить придумаем, у меня идей много, все не менее умные, у меня всегда так: яркость и необычность – главное, а как воплотить – потом разберемся. Я – сюзерен, стратегией занимаюсь, у меня еще много идей, я творец, а не инженер.

Зайчик ломился, как бронированный слон, ломая молодые деревца. Жаль, тролли не видят, сейчас бы одобрительно ревели вслед, вождь должен быть сильным, а я умело демонстрирую это при каждом удобном случае, а при неудоб-

ном тоже – каждом.

Бобик первым выметнулся на опушку, часовые шарахнулись, а он промчался и прыгнул на грудь сэра Растера, только тот и устоит перед таким напором, за что Бобик его уважает больше всех.

Мы с Зайчиком показали следом, оба собранные и деловые, у меня на лице соответствующая моменту строгость и государственная мудрость во всем незаурядном облике политика и дипломата.

Часовые подбежали и ухватили брошенный конец поводка, а я помахал рукой и крикнул державно:

– Сэр Растер!

Он развернулся ко мне, все еще обнимая стоящего у него на плечах передними лапами Бобика.

– Сэр Ричард?

– К нам на помощь, – сказал я твердо и возвышенно, – спешат со всех зеленых ног союзники! Тоже, кстати, зеленые.

Он спросил тупо:

– Это... что? Откуда у нас тут союзники?

Я посмотрел на него с укором:

– Сэр Растер, мы же христиане! Мы должны видеть или хотя бы стараться видеть во всех встречных, хоть они и все сволочи, добрых людей. Все созданы Господом, даже придурки и последние... гм... а если Господь их создал, значит, зачем-то нужны?

Он смотрел с непониманием:

– Сэр Ричард... о чем вы?

– Как всегда, – сказал я с досадой, – как только начну о высоком, вы тут же хватаете за нижние лапы и стаскиваете на землю! А так поумничать хочется!.. В общем, сюда идут тролли.

Он охнул.

– Тролли?.. Эй, отряд, слушай мою команду-у-у-у...

– Отставить, – прервал я. – Было мелкое недоразумение.

Тролли не знали, что власть в Турнедо переменилась.

Подбежал виконт Штаренберг из Фезензака, вслушиваясь жадно, спросил дрогнувшим голосом:

– А что, нас как-то различают?

Я фыркнул:

– Это тролли, с их высокими духовными запросами?.. Вы сейчас увидите, как они воздадут почести сэру Растеру!

Он обратил вопрошающие глаза на сэра Растера:

– Правда?

– Ну, – пробормотал Растер приглушенно, словно взрывал из берлоги, – вообще-то у нас как бы так... Вы, сэр Ричард, все уладили?

– Мигом, – заверил я, – всех поставил... я имею в виду на свои места, не улыбайтесь, сэр Штаренберг, все вам гарпии сэра Растера мерещатся!

Штаренберг заулыбался еще шире, только сам Растер смотрит непонимающе, один он еще не догадывается, при чем тут гарпии, все рыцарство по обе стороны Большого

Хребта уже знает и чтит его за такое умение, только он не догадывается, насколько велик и популярен у героев битв и сражений.

– Они, – переспросил он озабоченно, – пойдут с нами?

– Какой вы догадливый, – похвалил я. – Вы стратег, доблестный сэра Растер.

Он польщенно улыбнулся.

– Да, я такой. Но тролли... они как, тоже будут сражаться? Не против нас, а с нами плечо к плечу?

– Абсолютно верно, – подтвердил я. – Если будет сражение, вы их в самое пекло, они это любят. Помните, народ они простой и даже очень простой, значит – дисциплинированный и любит подраться.

Штаренберг тихонько улыбается, а я, глядя на него, лиш- ний раз убедился, как создаются легенды и расходятся слухи. Насчет гарпий как-то промелькнула шуточка, но сэра Растер очень даже характерная фигура, о его скрупулезном следо- вании традициям рыцарства и воинских обычаев знают мно- гие, так что сперва шутя приписали изнасилование по праву победителя пойманной гарпии, а потом уже и всех гарпий, а также ведьм, и русалок, и единорогов. Уже и другими ост- рословами начали создаваться анекдоты, а старые перелицо- вываться и группироваться вокруг такой знаковой личности.

И вот уже слава сэра Растера, который специалист по из- насилованию гарпий, ширится по всему Сен-Мари, вышла на ту сторону Большого Хребта и пошла по северным коро-

левствам.

– Кстати, – сказал я быстро, – сэр Растер, не забудьте принести сэру... тьфу, верховному шаману Чандлеру соболезнования.

Он спросил гулко:

– А что с ним?

– Его брат, вождь племени, погиб.

– Эх, – сказал Растер, – жаль, здоровый был мужик...

– Теперь Чандлер, – объяснил я, – что стал верховным шаманом, во главе отряда...

Из леса начал доноситься шум, треск кустарника. Воины благоразумно отступили, ощерившись копьями, встали плотной стеной, прикрылись щитами.

Сэр Растер, громадный и массивный в своей уникальной броне из толстых стальных плит, выдвинулся вперед и смотрел, набычившись, в лес, где между деревьями показались могучие зеленые тела. Оруженосец за его спиной держит обеими руками шлем своего господина, в ужасе смотрит то в сторону леса, то на каменное лицо блюстителя рыцарских законов и обычаев.

Воины отступили еще дальше, тролли выходят не просто огромные, а пугающе огромные. Похоже, Чандлер в передовой отряд отобрал лучших и сильнейших, то ли на всякий случай, то ли именно для совместного похода.

Тролли раскрыли рты, завидя сэра Растера, и опустили дубины. Чандлер с окованной железом громадной дубиной на

поясе шел впереди, он бросился к Растеру, на морде надежда и ликование, но всмотрелся, тяжело вздохнул.

Сэр Растер шагнул вперед, железо на нем громыхнуло, словно в небе гроза, обнял Чандлера.

– Приветствую, брат мой...

Наши воины, что вообще впервые видят троллей, тарацили в изумлении глаза, начали замечать удивительное сходство между их предводителем и вожаком троллей.

– И я тебя, брат мой, – ответил Чандлер и вздохнул.

Растер отстранился, похлопал его по плечу.

– Дружище, – прорычал он почти таким же могучим голосом, – разве мы рождаемся не для битв и подвигов?.. Твой брат, а мой друг, погиб красиво, в бою!.. Пусть и нас постигнет та же участь, а то я видел, как умирают от старости... бр-р-р!

Чандлер прорычал низким голосом:

– Ты прав, наш брат.

Тролли потрясали окованными железом огромными дубинами, воинственно орали. Рыцари смотрели в их сторону с отвращением и застывшими лицами, простые воины вздыхали, пожимали плечами, переглядывались.

У всех выражение безнадеги, но против господской воли не попрешь, к тому же вовремя прокатился слух, что тролли пойдут впереди и примут основной удар на себя, а у простолудинов отношение к жизни несколько иное, чем у рыцарей: лучше все-таки умереть от старости в постели дома,

чем красиво в кровавом и жестоком бою.

Штаренберг спросил меня шепотом:

– Он кто?

– Великий шаман, – пояснил я уважительно. – Он не просто решил сопровождать воинов в опасный и непредсказуемый поход, но и сам стал его вожаком!

– Да, – проговорил Штаренберг, – значит, и для них воинская слава важнее всего на свете?

Я изумился:

– А как же? Это разве что умным она не нужна, но кто с ними считается?

Чандлер повернулся к своим воинам, что-то проревел, но понял разве что один Растер, а тролли вперили взгляды в Растера и трижды ударили в землю дубинами.

– Ага, – сказал я, – это они подтверждают, что признают сэра Растера не только вождем похода, но и... гм...

– Кем-кем? – спросил Штаренберг. – А то не расслышал.

– Я и не говорил, – огрызнулся я. – О некоторых вещах нужно просто догадываться, так они проскальзывают незаметнее. А если назвать вслух, то надо как бы принять меры, пресечь, воспрепятствовать...

– А-а-а, – сказал Штаренберг понимающе, – они его признали троллем?

– Ш-ш-ш, – прошипел я. – Троль Растер, насилующий гарпий... это уже перебор.

Он вскинул брови:

– Почему?

– Перебор, – объяснил я. – Если у вас нет чувства прекрасного, то обзаведитесь бритвой Оккама и отрежьте себе все лишнее, чтобы танцевать не мешало. Либо тролль, либо насилователь гарпий. А то и другое, это уже нарушает целостность образа, а мы ж эстеты, мать вашу!

Он подумал, пожал плечами.

– Вам виднее. Я понимаю, когда вижу. А вы можете заранее, это здорово!

– Да, – согласился я, – это талант, можно сказать. Чувство меры. Правда, во всем остальном у меня его нет, но как эстета... меня и сравнить не с кем. Так что теперь у вас усиленное контингентом троллей войско, дорогой друг!.. Двигайтесь вон в том направлении... чтоб не заморачиваться со всякими там картами – какие их умники придумали? – я вам, как умный человек такому же умному, просто пальцем показываю.

Он посмотрел на мой палец, потом на то место над горизонтом, куда я его упер и поскреб там ногтем, царапая небосвод.

– Ага, – сказал он с удовольствием, – до чего же вы все понятно объясняете, сэр Ричард! А то все умничают, умничают... А что толку? Ни богаче не становятся, ни счастливее.

– А там ждите приказа, – велел я. – Я матерый гуманист, все обожаю решать мирным путем в нашу пользу, но демократию приходится поддерживать, а то и насаждать, грубой

моральной силой с помощью высокоцивилизованного оружия в виде дубин и мечей.

Он сказал бодро:

– Насадим! Так насадим, что не сорвется!..

– Надо еще, – сказал я строго, – не просто насадить, а чтобы те не особенно брыкались, но еще и удовольствие начали получать!

– Получат, – заверил он. – Если умело связать...

– Это мы сделаем, – пообещал я. – Умело свяжем кабальными договорами, концессиями, участием в союзах, совместных проектах, всякого рода сомнительных начинаниях... В общем, это уже мое дело. Вы делайте свое, я свое. С богом, сэр Штаренберг!.. Попрощайтесь за меня с сэром Растером, не хочу его отрывать от дружеской беседы с великим шаманом.

Он кивнул.

– Да, сложно найти родственную душу, я их обоих понимаю.

Я красиво вскинул руку в эффектной прощании, как же я себе нравлюсь в таком жесте, особенно когда и последнее слово за мной, вообще обалденно, что еще нужно для счастья, если стараться не думать, что везет в мелочах, но не в любви.

Бобик пошел вперед крупными прыжками.

Глава 3

Мимо замелькали кусты, осыпанные мелкими розовыми цветами так густо, что кажутся окутанными туманом, весна в разгаре, пчелы проносятся с ревом, как шмели, гудят надсадно и сипло, каждая тащит в дом ведро с пылью и медом.

Солнце по-весеннему горячее, жжет голову и плечи, но воздух еще холодный, а при такой скорости вонзает в тело мелкие острые сосульки. В низинах кое-где клубится настоящий туман, будто утром, но там земля прогревается намного дольше.

Наконец впереди показался наш лагерь, я торопливо замедлил Зайчика, здесь ничего не изменилось, только костров стало чуть больше.

На меня уставились с изумлением, а испуганный Палант выбежал навстречу и спросил испуганно:

– Что-то стряслось, ваше высочество?

Я удивился:

– Чего так решили?

Он пробормотал в обеспокоенности:

– Но вы вернулись... с полдороги.

– А-а-а, – протянул я, – вот вы о чем. Это я показываю, как нужно работать. Я догнал сэра Растера, переговорил, решил все проблемы... даже те, которые решать и не следовало, теперь его отряд удвоился, если не больше, за счет зеленых.

– Ваше высочество?

– Троллей, – повторил я отдельно. – Зеленых таких... впервые слышите? Между прочим, великолепные бойцы. Здоровенные, выносливые, неприхотливые. Ничего, потом сами увидите.

Он отшатнулся в испуге.

– Тролли? В нашей войске?

– У нас будет интернациональная бригада, – сказал я строго. – А так как у нас разные народы и даже расы, могут претендовать на титул генералиссимуса. Ну, ладно, звание... Хотя это потом, подумаем. Вы на сэра Растера равняйтесь в данном случае!

Палант вздрогнул.

– В каком... смысле?

Я сказал с укоризной:

– Что за молодежь пошла и куда? О чем думает? Что из нее, смысле, из вас, сэр Палант, вырастет?.. О Родине нужно, как вон сэр Растер, что с троллями общается и все об Отечестве родимом думает и думает! И снова думает. А вовсе не о гарпиях.

Он сказал виновато:

– Да я что, я ничего...

– А надо, – сказал я сурово. – Как бы и вообще! Мы ведь кто? Правильно, соль и цвет всего прогрессивного человечества! Потому мы должны, несмотря ни на что!.. В общем, ждите опаздывающих. Поезд поездом, но сюда топает пеш-

ком и армия в пятьдесят тысяч человек под руководством графа Клементя Фицджеральда...

Он сказал быстро:

– Да-да, ждем!

Я сказал с досадой:

– До чего же все медленные... Ладно, за то время побываю в Варт Генце и Скарляндах... надо, чтоб их военачальники выехали навстречу.

– Ваше высочество?

Я повторил отдельно:

– Мы мчимся к нашим друзьям в Варт Генц и Скарлянды, это значит – Зайчик, Бобик и я, если они, конечно, меня берут с собой. А вы, дождавшись сэра Фицджеральда, топаете в составе его армии. Растера с троллями не забудьте захватить!..

Я снова поднял Зайчика на дыбы, вскинул руку в эффектно-мощном прощании. Да, скоро можно будет вот так и перед дамами.

Дороги нам не нужны, даже Бобик проносится, ломая не только кустарник, но и мелкие деревца, а Зайчику, думаю, просто не хочется биться о толстые деревья, но если другого пути не будет, то что ж, он же пару раз, желая сократить дорогу, сразу шел на мой зов, не обращая особого внимания, что его от меня отделяет толстая каменная стена конюшни и народ разбегается в панике.

Солнце совсем почти летнее, напекает плечи и спину, а голову не так уж, я пригибаюсь перед встречным ветром, и ее прикрывает роскошная грива арбогастра.

Уже на землях Варт Генца, как я понимаю, впереди выросла стена леса, загораживая дорогу. Края уходят далеко вправо и влево до самого горизонта. В прошлый раз я объезжал, а сейчас почему-то ощутил, что лес идет узкой полосой, а недавний рейд по такому же почти воодушевил, Зайчик тогда шел, как кабан через высохший камыш, с хрустом ломая молодые деревья.

Бобик все понял, сразу понесся черной стрелой к стене лесных великанов, спеша вломиться первым и погонять там зверей раньше нас.

Деревья стоят могучие на краю, здесь мы протиснулись, дальше Зайчик шел бодро, как на прогулке, за спиной что-то сламывается со смачным треском, я то и дело увертываюсь от падающих стволов, но, к счастью, все обрушиваются далеко позади, Зайчика не остановить такой ерундой, это всего лишь лес, то ли дело – горы...

Хотя в горах я с ним еще не бывал, мелькнула мысль. Кто знает, что он может выкинуть...

Шириной лес оказался в четверть мили, а то и меньше, мы пронеслись сквозь него, как гигантские стрелы, вылетели на простор, Бобик помчался в сторонке, подпрыгивая и хватая на лету бабочек, я похлопал Зайчика по шее, предлагая нарастить скорость, как вдруг увидел скачущего в нашу

сторону всадника.

Мне он показался крупноватым, а когда приблизился, я понял, что он не уступает по росту мне, а его огненно-красный конь – Зайчику. За его спиной сидит женщина в плотно повязанном платке, что укрывает голову и шею, даже лоб, оставляя открытым только лицо. У всадника поверх шлема такой же платок, однако широчайшие концы распущены, укрывая плечи и спину, словно тут частые песчаные бури.

Он смотрел на меня с таким же изумлением, лицо красивое, но жестокое, властное, и когда заговорил, в его хриплом голосе прозвучала откровенная неприязнь:

– Кто ты, посмевавшийся вторгнуться в мои владения?

Я ответил мирно:

– Просто еду по своим делам. Напрямик. Если чем-то нарушил ваши права, приношу извинения. Я не нарочно.

Он нахмурился, голос стал резче:

– Никаких извинений! Обнажай оружие, или я срублю тебе голову.

– Безоружному? – спросил я.

Он фыркнул:

– У тебя есть оружие!

– А если я не стану вынимать меч из ножен? – спросил я.

– Тогда ты трус, – заявил он, – а трусам не место на земле!

Я сказал медленно:

– Логично. Но и слишком задиристым... тоже.

Он заорал люто:

– Что ты сказал?

– Общество нужно выпалывать как от дураков, – объяснил я, народ нужно просвещать хотя бы базово, – так и тех, кто в нем не уживается.

Я вытащил меч из ножен, всадник хищно улыбнулся, в одно движение ссадил женщину на землю. Она отошла торопливо и враждебно уставилась на меня крупными чернящими глазами навывкате.

Всадник выхватил меч, длинный и красиво загнутый на конце, даже расширенный, чем-то похожий на ятаган.

– Скажи твое имя, – потребовал он.

– Зачем тебе?

– Чтобы я знал, – сказал он мощно, – кого отправил к джаннам.

– Ты не отправишь, – сообщил я, – а я твое имя не спрашиваю.

– Почему?

Я пожал плечами:

– Нужно запоминать имена мудрецов, а не дураков.

Он заорал и, резко вскинув меч над головой, послал в грехоте копыт коня вскачь. Я ждал, стараясь разогреть в себе злость, но получается плохо, слишком уж все обычно, а этот дурак не виноват, что он дурак, и как петух, защищая своих кур, бросается на все, что вторгается, как он считает, на его территорию, как же, вот прямо щас мечтаю все отнять и захватить.

В нужный момент я сам вскинул меч и, отклонившись от его удара, ударил сильно и точно. Лезвие меча захватило кончик платка на шлеме, а всадник промчался мимо, сдерживая коня, быстро развернул и тут же ринулся снова.

В его черных глазах я видел ярость пополам с удивлением, мне он тоже показался противником не простым, быстр настолько, что нужно драться, выкладываясь по полной.

Мы сшиблись, снова разошлись. В третий раз он остановил коня, мы некоторое время фехтовали, не сдвигаясь с мест. У меня рука заныла, удержать его тяжелые и точные удары очень непросто, он еще и силен чудовищно вдобавок к его скорости.

Зайчик, ощутив себя оскорбленным ростом и статью огненного красавца, с силой ударил грудью, а тот сдуру не отступил, а попытался ударить в ответ, раздался их слитный жеребьячий рев, похожий на женский визг, и красный конь опрокинулся на спину.

Всадник в последний момент успел соскочить, отпрыгнул, гибкий и быстрый, несмотря на рост и размеры.

Я удержал коня и крикнул:

– Ну? На этом закончим?

Его просто перекосило в ярости.

– Трус! – заорал он. – Конь всегда за тебя выигрывает схватки?

Я тоже, как и он, бросил взгляд на женщину. Закутанная в длинный платок и в платье, что укрывает лодыжки, она

застыла столбиком и только наблюдает за нами большими серьезными глазами.

Не будь ее здесь, этот петух, возможно, не стал бы так на меня бросаться. Увы, присутствие женщины всегда разжигает огонь соперничества, но я все-таки могу вложить меч в ножны и уйти, а вот он не может...

– погоди, – сказал я. – Это твоя невеста?

– Жена, – прорычал он. – Она видела, как я сражал и сильнее тебя... И увидит сейчас!

– Лучше посади ее снова за спину, – посоветовал я, – и езжай, куда ехал. А я поеду по своим делам.

Он бросился ко мне, раздувая ноздри.

– Думаешь, если ты все еще на коне...

Я сказал с досадой:

– Да ты в самом деле дурак.

Он отпрыгнул, когда я соскочил на землю, но тут же снова двинулся с поднятым для удара мечом. С долгую минуту мы фехтовали, оба одинаковые в скорости и силе, я видел на его вспотевшем лице изумление и начинающую проступать тревогу, явно предыдущие поединки заканчивались быстрее, затем он выкрикнул некое заклятие, как понимаю, движения ускорились, а удары стали тяжелее.

Но я уже разогрелся, злость и чувство опасности обострили все чувства, я начал двигаться тоже быстрее, еще быстрее, бил сверху, снизу, с боков, наносил косые и обманные удары, наконец он допустил крохотную ошибку, кончик моего меча

задел его шею сбоку, кровь из рассеченной артерии ударила тугой красной струей.

Он покачнулся, выронил меч и попытался ухватиться за рану, но кровь мощно била тонкими струйками и между пальцами.

– Ты меня убил, – прохрипел с ненавистью, – тебе повезло...

– Не я, – буркнул я все еще со злостью, – тебя убила твоя дурасть.

Он упал на колени, затем завалился на бок. Кровь все еще хлещет из такой небольшой ранки, сильно оттопыривая вздутые края, но слабее и слабее с каждым мгновением.

Я вытер лезвие меча о его одежду и сунул в ножны. Женщина подбежала и упала с плачем на его тело.

Чувствуя себя виноватым, я буркнул:

– Садись на его коня и возвращайся.

Она не слушала, рыдала, я вяло подумал, что надо бы помочь ей похоронить убитого мужа, все-таки не весьма вот так все оставить, но не вожу же с собой лопату, да и на его красном коне только дорожный мешок, там не видать торчащего черенка.

– Слушай, – сказал я женщине, – а он, может быть, огнепоклонник? Ну, в душе?.. Тогда его лучше оставить так вот...

Она коротко и с ненавистью взглянула на меня и снова опустила голову ему на грудь.

Я развел руками:

– Ну, как знаешь. Самое большое, что могу для тебя сделать – это оттащить его вон в ту яму и завалить камнями, чтобы звери не добрались.

Она не ответила, я посмотрел на красного коня с опустевшим седлом, на своего Зайчика и внимательно наблюдающего за нами Бобика.

– Как скажешь, – проронил я, – могу помочь тебе взобраться в седло, а то ваш конь как-то великоват.

Она наконец подняла голову, лицо страдальческое, но на губах проступила печальная улыбка. Медленно подняла мертвую руку мужа, поцеловала ее и сняла с пальца тонкое кольцо с небольшим красным камешком.

– Ты мог спастись, – проговорила она ему с укором едва слышно, в ее голосе чувствовались слезы, – почему не сделал?

Я отвернулся, не желая мешать прощанию, она еще хорошо держится, нет бурных рыданий, истерических воплей, чувствуется достоинство в каждом движении и жесте.

Выждав немного, я сказал снова:

– Мне надо ехать. Тебе тоже не стоит тут оставаться. Иди сюда!

Она вздрогнула от повелительного голоса, покорно поднялась и так же медленно приблизилась, опустив голову. Я подошел медленно к красному коню, он все отводил морду, но я поймал за повод и подвел к женщине:

– Садись.

Она посмотрела на меня исподлобья. Глаза крупные, навывкате, черные с огромной радужкой, ресницы густые, длинные и тоже чернющие, как верхние, так и нижние.

Не спеша нагнулась, сняла с шеи мужа политый его кровью платок, повязала себе на шею, как я понимаю, в знак скорби или траура, медленно подошла к своему коню.

Судя по тому, как хватается за седло, ездить сама умеет не очень, я поддержал ее под задницу, тугую, как отполированный и покрытый лаком орех.

Наконец она уселась, очень неумело и по-мужски, ухватила повод обеими руками.

Я отступил и сказал с облегчением:

– Ну вот... как бы так...

Зайчик подставил бок, я поднялся в седло, разобрал повод и повернул его в сторону Варт Генца.

Бобик ринулся вперед, Зайчик пошел следом, но я услышал за спиной стук копыт, торопливо оглянулся, одновременно нащупывая рукоять меча.

За нами на красном коне неумело скачет эта женщина, полы темного платья трепещут по ветру, ноги оголились весьма непристойно.

Я остановил Зайчика, они настигли нас и тоже остановились. Бобик подошел к ним и сердито уставился на красавца коня, тот мелко задрожал, но не отступил.

Женщина ответила мне прямым взглядом, но промолчала, неподвижная в седле, укрытая платком по самые брови,

что изначально придавало ей скорбный вид, а сейчас и вовсе выглядит сироткой.

– И что? – спросил я. – Чего ты едешь за мной?

Она впервые разомкнула губы, я услышал низкий приглушенный голос, исполненный кроткой печали:

– А как иначе?

Я пробормотал:

– Ты о чем?

Она смотрела на меня в упор.

– Но разве я не должна следовать за тобой?

– Почему? – спросил я настороженно. – С какой стати?

Она проговорила мертвым голосом:

– Ты победил. Теперь у меня нет мужа.

Я охнул:

– И что? Я, что ли, должен о тебе заботиться? Ничего себе обычай... Распространить бы его на весь мир, сразу бы все войны прекратились!.. Или это у тебя такие шуточки?

Сказал и устыдился, какие шуточки могут быть, если только что убил ее мужчину, бесчувственная свинья, совсем огрубел, но слово не воробей, уже вылетело.

Она ответила очень серьезно:

– Но ты же убил моего мужа!.. Ты обязан это сделать...

Таков Великий Закон!

– Чего-чего?

– Взять меня, – сообщила она мрачно. – По закону, убив мужа, ты забираешь его жен в наложницы, так как нельзя

оставлять женщину одну.

Глава 4

Я окинул ее долгим взглядом, явно не горит желанием стать моей наложницей, но готова подчиниться обычаю или закону, что-то помню насчет этого в двадцать шестой суре, но я другого вероисповедания, я всегда другого, с каким бы ни столкнулся, а вообще-то, если честно, хотя этого никому не брякну даже спьяну, верую только в себя, да и то очень даже редко.

– Дорогуша, – сказал я, – я тебя доставлю до ближайшего селения, хорошо? А там либо езжай, либо устраивайся на жизнь, либо топай ножками в поисках лучшей жизни. Я не могу решать проблемы всех людей на свете! Не надо было выходить замуж за такого буйного дурака!.

Она ответила с чувством достоинства:

– Брак заключается родителями, я впервые увидела своего мужа только на брачном ложе.

– Ах да, – сказал я, – брак по договоренности! Скоро я стану специалистом по видам брака... Так что же с тобой делать?

Она в удивлении вскинула брови.

– Как что? Вези меня к своим женам. Надеюсь, ты человек закона, и у тебя их не больше четырех? А я буду наложницей... У тебя много наложниц?

Я сказал сердито:

– К счастью, у меня даже жены нет.

Она охнула:

– Да как же... Что с тобой не так?.. Ты настолько бедный?

Даже одну не можешь купить? Ну ладно, наложницы – почти то же самое, что и жены, у них те же права, только у нас нет прав на совместно нажитое и на детей, если ты вздумаешь расторгнуть наши отношения.

Я сказал саркастически:

– А, так ты прям законница!..

Она фыркнула:

– А как иначе? Женщина должна помнить о своих правах.

– Ты говоришь, – сказал я с надеждой, – могу и расторгнуть?

– Да, – ответила она, – но только ты сперва должен войти в права господина и овладеть мной. А потом достаточно трижды сказать «Талак», и брак разорван.

Я почесал нос, задумался. Бобик тоже посматривал на нас по очереди в задумчивости и веселом удивлении.

Она все так же смотрит с непониманием, я пробормотал:

– Да как-то не по мне овладевать против воли.

– Но я – твоя собственность!

– Да, – согласился я, – раз уж я убил твоего мужа и тем самым взял его обязанности на себя... но все-таки... ладно, кто я таков, чтобы идти против Закона?.. Лучше пересядь ко мне, я отвезу тебя в твой домик. Или ты живешь в норе?

Она спросила обидчиво:

– Почему это в норе?

– Дикая какая-то, – сообщил я. – Если не в норе, то на дереве? У тебя там гнездо?

Она ответила с достоинством:

– У нас настоящий замок, хоть и... не совсем большой.

Нет, я поеду на этом нашем коне.

– Твоем, – уточнил я.

Она вздохнула и поправила меня:

– Нашем.

Я умолк пристыженно, сообразив наконец, что она вкладывает в слово «наше» совсем другой смысл, чем я по своей привычной заторможенности и остроумии на лестнице.

– Тебя как зовут? – спросил я наконец.

– Алвима, господин.

– А меня Ричард.

– Просто Ричард?

– Просто, – сказал я сердито. – Без всяких там... разных.

Она сказала невесело:

– Тогда ты совсем бедный... но ничего, ты сильный воин.

– Ладно, – сказал я в раздражении, – поехали.

– Только держись рядом, – предупредила она. – Если напрямик, то придется ехать через земли Мурдраза.

– Чем-то опасные?

Она поморщилась:

– Только хозяевами.

– Старая вражда?

– Очень старая, – ответила она мертвым голосом. – Если увидят, что со мной нет моего мужа... Мурдраз обязательно нападет.

– Ого, – сказал я, – придется драться?

Она повернула голову и смерила меня недоверчиво-презрительным взглядом.

– А ты уже готов уклониться?

– Я всегда готов, – ответил я с постыдной для взрослого человека мальчишечьей бравадой, но что делать, в присутствии женщин мы все втягиваем животы и топорщим перья.

– А вот они не готовы, – сказала она.

Некоторое время мы ехали рядом, затем я поинтересовался:

– А другой дороги нет?

Она снова посмотрела на меня со странным выражением.

– Только через земли Нахимда. Но они еще опаснее.

– Ну и порядки у вас, – сказал я с сердцем. – Как пауки в банке.

Она проговорила медленно:

– Наверное, ты очень издалека.

– Очень, – согласился я. – Ты, значит, принадлежишь мне по тетравленду?

– Что такое тетравленд?

Я отмахнулся:

– Да та же забота о женщине, чтобы вы всегда были под защитой мужчин и покровительством. Как вижу, даже самые

разные религии приходят к одним и тем же законам... Поймай, вот там далеко не те люди Мурдразы, что с вами во вражде?

Она всмотрелась, лицо омрачилось.

– Они. Сражайся хорошо, мне очень не хочется стать наложницей у Мурдразы. У него их десятки, а тех, кто ему надоедает, передает, в нарушение закона, своим сыновьям.

– Какой мерзавец, – сказал я. – Вообще-то я всегда защищаю закон, каким бы тот... интересным ни был. Ты сойдешь на землю?

– Зачем?

– Твой конь не понесет?

– Он привык к схваткам, – сообщила она.

– А я вот нет, – ответил я со вздохом. – Уже и перерос вроде бы, а все равно... да и привыкну ли?

Всадники сперва неслись во весь опор, а когда увидели, что мы и не пытаемся убежать, перешли на рысь и приближались, не скрывая торжествующих усмешек.

Впереди рослый мужчина, очень сухой, с резкими чертами лица, такими я почему-то всегда представляю фанатиков, со злым и неприятным выражением, а трое с ним просто воины, по всему видно, что привыкли бахвалиться силой и глумиться над более слабыми.

Алвима хмуро молчит, я ждал, а передний всадник крикнул с жестокой веселостью:

– Что случилось? Почему прелестная Алвима едет через

мои земли в сопровождении незнакомца?

И хотя он смотрит на меня в упор, но вопрос вроде бы адресован Алвима, потому я смолчал, а она, видя, что я не открываю рот, ответила с неожиданным для меня достоинством:

– Мой бывший муж убит в честном поединке сэром Ричардом. Теперь он мой муж, и я не нарушаю обета чести, когда еду с ним.

Всадники начали переглядываться, на меня смотрят заинтересованно, а вожак заявил в удивлении:

– Как Торадз мог погибнуть?.. Этот не выглядит сильным бойцом.

Меня задело «этот», но смолчал, пусть, это поможет разозлиться, без злости я почти чеховец, даже буддист, а когда получаю по роже, да еще желательно не один раз, то могу и озвереть, и в благородном негодовании могу и перегнуть, что весьма полезно и крайне нужно, но как бы нехорошо.

Алвима сказала ровным голосом:

– А вот ты выглядишь сильным бойцом.

Он не понял скрытый смысл, даже издевку, гордо приосанился, а я бросил на нее удивленный взгляд, до этого момента она казалась просто покорной овцой.

Вожак велел:

– Слезайте с коней!.. Курл, свяжи им руки и надень петли на шею. Погоним к себе... Нет, Алвима пусть остается, но руки свяжи за спиной, а ноги под брюхом ее уродливой

лошади. Поведешь в поводу... Эй, ты, чего застыл? Ты слышал?

Я ответил мирно:

– Почему ты такой грубый?.. У тебя ничего не болит?

Он зло засверкал глазами.

– Что?.. Ты смеешь противиться?

– Обязан, – ответил я совсем кротко. – Если пойду долиной мрачной смерти, не убоюсь зла, потому что Ты со мною... Ты приготовил передо мною трапезу в виду врагов моих... Это я о вас, придурки деревенские!

Вожак подъехал ко мне вплотную и занес меч для удара. Я, уже взвинтив метаболизм, выхватил меч с такой скоростью, что сам едва заметил, как он блеснул в моей руке.

Сверкающее лезвие сверкающей полосой прошло через плечо вожака, руку сильно трянуло. Зайчик, все поняв, в один прыжок оказался среди опешивших воинов. Я ударил направо, развернулся и ударил налево. Третий начал в страхе поворачивать коня, мой клинок рассек ему череп сзади, дураков можно и в спину.

Я поспешно оглянулся на вожака, но тот раскачивается в седле и воеет, как волк с перебитыми лапами, глядя на упавшую на землю отрубленную руку с зажатой в кулаке рукоятью меча.

Алвима смотрит вытаращенными глазами, я быстро подъехал к вожаку и торопливо, пока еще кипит злость, рубанул его прямо в лицо.

Он запрокинулся на круп, в горле заклокотала кровь. Я не стал смотреть, как он рухнет, повернулся к Алвимае.

– Он бы все равно не выжил, – сказал я виновато. – Это акт милосердия.

Она медленно проговорила:

– Да, конечно... Но как ты...

– Пришлось, – ответил я невесело. – Вот из-за такой вот ерунды и принят закон, что у нас называется тетравленд, а у вас...

Она сказала что-то совсем тихо, я не расслышал из-за бешено ревушей крови в ушах, а я нагнулся с коня и вытер лезвие о павшего. Алвимаа тем временем слезла с коня достаточно уверенно, подошла к жожаку и, наклонившись, начала снимать с его руки кольца и перстни.

Я помалкивал, вдруг там тоже что-то магическое, но она сняла с трупа и перевязь с пустыми ножнами, выдрала из вцепившихся пальцев рукоять меча.

– Да стоит ли? – спросил я вяло.

– Это именно меч, – ответила она просто. – Его все знают.

– Много он ему помог, – пробормотал я.

Она сунула клинок в ножны, зацепила перевязь на крюк седла своего красного коня, но когда направилась к другим еще теплым трупам, я запротестовал:

– Они же в таком рванье... Так и мародерничать нечего.

Она буркнула, не оглядываясь:

– Но кони у них хорошие.

– Ну, разве что кони, – пробормотал я.

Те пытались отбежать, дичились, но мы с Зайчиком переловили всех, я связал поводья и зацепил веревку за седло Зайчика.

Она с моей помощью взобралась в седло и поехала впереди, даже не оглядываясь, но я чувствовал по ее прямой фигуре, что настороженно ловит стук конских копыт за спиной.

Лес постепенно отодвигался все дальше, а впереди поднялись скалы, дорога ведет туда, а когда и те отъехали в сторону, я с дрожью в груди увидел черноту пропасти.

Глубокая трещина в земле, десятки ярдов, не меньше, а на той стороне чуть приподнятая скала со срезанной вершиной, где высится замок. Небольшой, компактный, вокруг не погуляешь, стены от самого края пропасти, зубчатые, одна башня высится рядом с домом.

Я пригляделся, с этой стороны через пропасть перекинут подвесной мост, однако настолько легкий, что в первые мгновения я его даже не заметил, таращась на замок по ту сторону бездны.

– А как кони? – спросил я.

– Мой привык, – ответила она. – А твой... может и сорваться.

– Ну, спасибо, – сказал я сварливо.

Она подумала, посмотрела на моего коня внимательно.

– Пожалуй, я попробую его провести.

– Нет уж, – сказал я. – Двигай вперед, вдруг да тебе, как хозяйке, ворота откроют? А как с трофейными конями?

– Пока оставим здесь, – сообщила она.

– Зачем?

– За ними придут, – сказала она. – Ну, ты готов?

– Я на все готов, – огрызнулся я. – Даже на хорошие и прекрасные деяния во имя, так сказать!.. Давно, кстати, готов. Как-нибудь даже и совершу, если будет возможность.

Она посмотрела на меня внимательно:

– Не было?

Я фыркнул:

– На мелочи не размениваюсь! Вот если все человечество спасти... Злая Звезда Маркус, говорят, все ближе.

Она, не слезая с коня, направила его на раскачивающийся под ветром мостик. Как только копыта ступили на доски, тот злорадно пошел из стороны в сторону, как оживший маятник.

Я сказал с тоской:

– Коню я глаза завяжу... а кто завяжет мне?

Зайчик посмотрел в удивлении, что это еще за шуточки, а я подумал, что в самом деле коням тут надо завязывать глаза, да еще и проверять, чтоб не подглядывали, а то сойдут с ума, когда обнаружат себя идущими над бездонной пропастью.

Зайчик пошел за красным конем уверенно, словно у него в пузе гироскоп, а я сцепил зубы и задира морду, чтобы не видеть дощечки внизу даже краем глаза, там дальше вообще

зияет бездна...

Мостик раскачивало только сперва, как маятник, а потом уже сильнее качелей, которые пытаются заставить сделать полный оборот вместе с усевшейся туда душой.

Зайчик всхрапывал, но шел медленно и осторожно, чувствуя мою, скажем так, крепкую дрожащую руку настоящего мужчины и властелина.

Когда мостик уже заканчивался, на воротах замка появились несколько бородатых морд.

Встревоженный голос прокричал сверху:

– Госпожа, а где господин Торадз?

Алвима ответила с печалью:

– Погиб. Герст, встречайте моего нового мужа.

Там переговорили быстро, один ринулся вниз, надсадно закричали цепи, ворота открылись, а в глубине начала подниматься металлическая решетка из толстых прутьев.

Я въехал с осторожностью, нас окружили пятеро мужчин, все держат копья наготове. Слезть и помочь женщине я не успел, она соскочила сама, опершись на руку старшего из стражей, крупного и чернобородого, похожего на разбойника.

Он буравил меня недобрый взглядом, Алвина уже на земле сказала:

– Герст, этого воина зовут Ричард. Это он убил Торадза.

Герст спросил хриплым от ярости голосом:

– Был ли наш господин убит честно?

– Да, – ответила она. – Он напал... ну, как обычно. А когда понял, что в простой одежде может оказаться герой, что держится спокойно и никому не угрожает, было поздно.

Герст смерил меня злым взглядом.

– А почему господин не вернулся?

– Не знаю, – ответила она сердито. – Он мог, но... сам не захотел. Позаботься о конях. Кстати, на обратном пути на нас напали люди Мурдраза. Их было четверо.

Герст спросил быстро:

– Молниеносный Гаганша был с ними?

– Да.

– И...

– Он там и остался, – ответила она просто, но мне показалось, что в ее голосе послышалась тщательно скрываемая гордость. – И остальные трое. Коней я забрала, пойдите заберите на той стороне ущелья. А вот меч Гаганши.

Герст бережно принял меч, я вспомнил, что меч мужа она так и оставила с его трупом, а вот клинок вожака противника захватила.

Герст спросил глухо:

– А господин...

– Возьми людей, – прервала она, – похорони. Не думаю, что Мурдраз пошлет кого-то еще, пока не вернулись его люди с Гаганшем. Все успеешь, но делай быстро.

Он кивнул:

– Да, госпожа. Все будет сделано, госпожа.

Глава 5

Он стегнул по мне недобрый взглядом, в котором, однако, уже читается уважение к более могучему воину, быстро собрал несколько человек.

Они побежали довольно ловко по мосту на ту сторону, а женщина повернулась ко мне.

– Сэр Ричард, – сказала она тем же ровным голосом, – позвольте показать наш... теперь уже ваш замок. Не знаю, насколько наши обычаи отличаются от ваших, мы здесь живем очень уединенно, но мы... хорошие люди...

Я наконец покинул седло, хотел бросить повод Бобику, но тогда его уже никто не возьмет, сунул в руки одного из слуг.

У дверей донжона двое стражей, нехотя и явно делая над собой огромное усилие, поклонились.

Алвима сказала мне громко:

– В вашем распоряжении замок, люди и я, мой господин. Но не сейчас...

Я буркнул настороженно:

– А что...

Она прервала странно смиренным голосом:

– Прошу позволения, господин, но позволь мне пойти впереди. Замок пока тебя еще не признает и не впустит.

Я сказал беспечно:

– Зачем спрашиваешь? Просто иди.

Она покосилась снова с удивлением.

– Ты совсем из дальних земель, господин. Женщина должна идти в двух шагах позади мужчины.

– Гм, – сказал я, – почему?

– Так велено Законом, – ответила она лаконично. – Мир полон опасностей, женщина должна быть за спиной мужчины.

Все верно, подумал я кисло. Женщина – основа выживания, ее нужно беречь как зеницу ока. И если гибнет муж, опеку над нею и ее детьми должен принимать либо брат мужа, либо тот, кто его убил.

– Наверное, – пробормотал я услышанное в детстве, – когда Закон писали, дороги еще не минировали... Хорошо, иди впереди!

Она кивнула и пошла вперед, я двинулся в двух шагах позади. Под сапогами позвякивает хрустящий пол из темных и серых плиток мрамора, не мелких и не крупных, цветовая гамма не раздражает глаз, справа и слева изящные тонкие колонны, а за ними этот же зал, только рисунок на полу чуть темнее.

В коридорах светло, но я не заметил ни свечей, ни светильников, а двери перед нами распахиваются сами. Вернее, перед Алвимой, а я смиренно тащусь сзади.

Она на ходу бросила одному из встреченных слуг:

– Обед подать в личные покои. На двоих.

Он поклонился, зыркнул на меня исподлобья, исчез. Я

проводил его взглядом, Алвима остановилась и посмотрела на меня серьезно.

– Мой господин...

– Слушаю, – буркнул я с чувством неловкости и вины, – говори, ты же хозяйка.

– Теперь хозяин вы, мой повелитель.

– Понимаю, – сказал я, – тоже стараюсь на кого-то сложить все обязанности, если удастся. Пойдем в твои покои, там поговорим.

– Ваши покои, – поправила она.

Я смолчал, покои оказались хорошо обставленной комнатой, просторной, но, к счастью, не залом, чьи гигантские размеры тяготят в Сен-Мари и Савуази. Хорошо подобранная мебель, очень простая, но удобная, медная и серебряная посуда на столе. Не богато, но чисто и уютно.

Она прошла мимо крохотного столика, где висится вытянутый узкогорлый медный кувшин, повела над ним ладонью, из отверстия поднялась струйка света и начала подниматься, изгибаясь во все стороны, к потолку.

Я смотрел, оцепенев, в самом деле луч света, но впервые вижу, чтобы шел не идеально прямо, а вот так грациозно изгибался в стороны, словно ползущая по воздуху, как по песку, крупная светящаяся змея...

Она взглянула в мою сторону чуточку обеспокоенно.

– Что-то не так?

Я указал взглядом на кувшин:

– Интересная у тебя вещь.

Она все еще печально, но с некоторым самодовольством усмехнулась и покачала головой:

– У вас таких нет? Вижу по вашему лицу, мой повелитель.

– Нет, – признался я. – Вообще не думал, что такое возможно.

– Когда-то их было много, – ответила она. – Когда нашли пещеру с такими вот... Но одни разбились, другие перестали давать свет. Я этим пользуюсь только в торжественных случаях.

– Польщен, – сказал я. – Но погаси, не трать энергию. В смысле, там тоже может масло кончиться, выгореть, тогда и погаснет.

Она покачала головой и сказала мягко:

– Нет, пусть эту ночь горит. Особый случай.

– Пусть, – согласился и я. – Красиво.

Она церемонно ждала, когда я сяду, а сама опустилась в кресло только по моему жесту.

Я спросил хмуро, все еще чувствуя себя как слон в посудной лавке, что потоптал и своих, и соседей:

– Введи меня в курс. Я чем-то нарушил равновесие сил? Кто ваши соседи? С кем дружите, с кем... не совсем?

Она посмотрела с недоумением:

– С кем дружим? С тем, с кем в родстве. наших, ибаншитов, всего семьсот человек, но гешитов и юнашитов почти по три тысячи, у них хорошие и бесстрашные воины, это наша

родня по линии Турганлая... а те, от кого мой муж защищал наши земли, это древний род Хашимлая, могущественный и захвативший огромные земли. Его маги владеют многими мрачными тайнами, им служат призрачные всадники...

Я зябко повел плечами:

– Какой ужас! Они и сюда могут прикопытить?

Она покачала головой, удивление во взгляде росло.

– Замки у нас всех защищены. Но отдельному человеку, да еще скачущему на быстром коне, защититься очень трудно.

– Да это понятно, – сказал я добро. – Стационарные установки громоздки, а портативные маломощны. А что у нас на ужин?

Она провела ладонью по лицу.

– Ах да, прости, мой господин. За сегодня так много чегостряслось... Я сейчас все приготавлию.

Это ты прости, хотел я сказать, но смолчал, здесь такие слова могут счесть признаком слабости, что на самом деле так и есть, но кто же в таком признается.

Слуги здесь достаточно проворные, пока одни готовят обед, другие тем временем на другом конце комнаты таскают ведрами горячую воду и наполняют не деревянную бадью с теплой водой, как я ожидал, а настоящий небольшой водоемчик из камня на троих, есть углубления для спин, а на широком бортике предусмотрено углубление для мочалки, пемзы и мыла.

От воды поднимается пар, я потыкал пальцем, терпимо, разделся, появилась Алвима и застыла в двух шагах, скромно опустив ресницы.

Как я понимаю, слуги слугами, а мне обязана прислуживать сама, как у нас королям прислуживают герцоги и прочие высшие лорды, считая для себя честью стоять с подносом в руках, чтобы в нужный момент сменить его величеству грязную тарелку на чистую.

Она выждала, пока я влезаю и устраиваюсь в ванне, затем приблизилась и целомудренно принялась тереть мне плечи и спину, разминать мышцы, почесывать, сдирать грязь и шелушащуюся кожу.

Я в конце концов заставил себя расслабиться, даже похрюкивал довольно, мужчины и свиньи обожают, когда их чешут, позволил себе отдых, хотя в никогда не засыпающих мозгах то и дело всплывают разные вопросы, но вялые, дохловатые, ленивые, похожие на ленивых толстых карасей, роющихся в иле.

– Мой господин, – проговорила она тихо, – прошу вас приподняться... или лечь.

– Лучше лягу, – сказал я.

Она повела мочалкой по груди и животу, я в блаженстве засопел, глаза начали закрываться в истоме, но растопырил их и всмотрелся в ее лицо. Очень спокойное и умиротворенное, все снова встало на свои места: мужчина в доме, крепость защищена, я беру под защиту как ее, так и ее детей,

если они у нее есть, а также всех домочадцев, слуг и прочих-прочих, а у воинов буду, естественно, старшим.

– Влезай ко мне, – предложил я.

Она покачала головой:

– Нельзя.

– Почему?

– Не в этот раз, – пояснила она.

– А-а, – сказал я, – купание ритуальное?

– Да...

– Хорошо, – сказал я. – Больше ничего от меня особого не надо? Ну там циркумцизио, хари-хатха или еще какая-нить традиция или обряд вроде бар-мицвы или даже бат-мицвы...

Она покачала головой:

– Для первой вы опоздали, мой повелитель, а до второй еще лет шестьдесят скакать на быстром коне. Приподнимитесь... вот так... теперь можете выкарабкиваться.

Она взяла полотенце, и едва я вылез, начала тщательно убирать все капли с моего разомлевшего в теплой воде тела. Я послушно поднял руки и наслаждался домашним покоем.

Ужинали вдвоем, никто из слуг не появился, она сама подала на стол, а потом всякий раз замирала смиренно, пока я не догадывался велеть сесть и не выеживаться с традициями.

Еще когда подала баранью похлебку, в распахнутое окно влетел дракончик, чуть крупнее воробья, красноголовый и с зелеными крыльями, в то время как толстое пузо ярко-желтое, как у канарейки.

Сделав круг, он по-свойски сел на край стола, подальше от меня. Коготки впились в доску, я заметил там множество царапин, покосился на меня бусинками глаз и начал боком-боком подбираться к куску сыра.

Она сказала извиняющимся голосом:

– Это дочкин любимец...

– Милая ящерица, – сказал я безучастно. – Это взрослый? Или еще вырастет?

Она мягко улыбнулась:

– Молодой еще, но уже не вырастет. Говорят, где-то бывают с барана, но в наших землях не крупнее курицы.

– Такой много не уворует, – сказал я. – Разве что стаей.

– Они в стаи не сбиваются, – пояснила она.

– Ну да, – согласился я, – холоднокровные... Поддай-ка тот хрен. Или это пастернак?

– Хрен, – сказала она, – только очень острый.

– Ничего, я сам не шибко сладкий.

Дракончик ухватил ломоть сыра и, опасно косясь на меня, оттащил подальше по столу, а там, не в силах поднять и унести, начал жадно жрать крохотной пащечкой.

Через некоторое время на подоконник сел еще один, но весь стильно зеленый, крылья как у летучей мыши, тонкие и с перепонками, чешуя крупная, словно от особи побольше, от этого кажется рыцарем неведомого драконьего мира.

Я протянул ему на вытянутой руке кусок сыра, дракончик смотрел недоверчиво, глаза у него хоть как у птицы, по обе

стороны головы, но настолько крупные и выпуклые, что ему не надо поворачивать голову направо и налево, чтобы рассмотреть обеими.

– Ну, – сказал я ласково, – бери, дурашка, а то сам съем, долго уговаривать не буду.

Он спикировал с подоконника, широко распахнул крылья, пронесся над полом, я даже наклонил голову, чтобы проследить за ним, однако вдруг резко ринулся вверх, выхватил из моих пальцев сыр и, натужно хлопая крыльями, вернулся на подоконник.

Я видел, что трусит, однако и ринуться отсюда наружу стремно: другие могут отнять по дороге, и он, переведя дыхание, принялся лопать прямо там на месте, не сводя с меня недоверчивого взгляда по-детски крупных глаз.

Алвима пораженно перевела взгляд на меня.

– Раньше он никогда так, – прошептала она. – Дальше подоконника не решался...

– Я внушаю доверие, – сказал я скромно. – Я такой вот внушитель. Внушитель даже, если говорить без лишних, так сказать, а прямо в глаза. Или в лоб.

В конце ужина я не утерпел и создал кофе прямо в серебряной чашке. Алвима сразу насторожилась, начала принюхиваться, я сосредоточился и сделал для нее нежнейший пломбир с орешками.

Пока она осторожно пробовала, я осушил кофе, сделал себе еще одну и пил уже мелкими глотками, наслаждаясь

и смакуя. Мне кофе спать не мешает, все-таки не интеллигент я, наверное, или не совсем нервный интеллигент, а так, умеренный, со здоровой психикой, хотя если со здоровой, то вроде бы уже и не интеллигент.

Потом она разделась и легла в постель нагая, свободно и просто, не стесняясь и не кокетничая, просто один мужчина сменился другим, это совсем немного в сравнении с тем, что все обязанности остались на ней в полном объеме, как в доме и за пределами, так и в постели.

Это я чувствовал себя немножко скованно, а она прислушивалась ко мне и выполняла послушно и безропотно все, что мне, по ее мнению, желалось, хотя я и рот не открывал, но, впрочем, не протестовал, еще как не протестовал.

Я все ждал, что заговорит хотя бы потом о сложностях, что вот возникли, однако она тихо и смиренно молчала, в полутьме влажно поблескивали ее крупные агатовые глаза.

На рассвете я проснулся, нащупал ее теплое нежное тело, подгреб к себе поплотнее и, накрыв рукой, заснул снова, на редкость счастливо и безмятежно.

Когда снова открыл глаза, уже позднее утро, рядом пусто, хоть смятое ложе еще хранит ее тепло и женский аромат чистого здорового тела.

Поспешно поднялся, разбросанная вчера одежда аккуратно разложена рядом на лавке, торопливо оделся, а за спиной вдруг качнулся воздух.

Я моментально обернулся, готовый отшатываться от уда-

ра, отпрыгивать, хвататься за рукоять меча, но это на окно, небрежно перечеркнутое металлическими прутьями, уселся небольшой дракончик, напоминающий петуха в миниатюре, с такой же горделиво выпяченной грудью, красным гребнем на голове и шее, на таких же петушиных ногах с растопыренными когтистыми пальцами.

Если не ошибаюсь в своих детских впечатлениях, у бабушкиного петуха на его толстых растопыренных лапах даже не перья, а настоящая чешуя, как напоминание, что птицы произошли от таких вот ящеров.

Здесь, как понимаю, произошли точно так же, но часть ящеров все-таки приспособились, пойдя параллельной дорогой, и вот такие милые летуны, что сильно уступают птицам в полете, живут и в лесу, и в полях, на болотах, а часть приспособилась даже в городах.

Мясо их для еды непригодно, а они для предупреждения о своей ядовитости обзавелись яркой окраской и теперь, как попугаи, летают над домами, садятся на подоконники и просят дать им хоть какой-нибудь еды.

Подкармливают их не только дети тайком от родителей, но и взрослые преисполняются жалостью к этим хоть и ненужным, но таким красивым существам, я же помню, как Франсуаза, дочь Беатрисы, носилась с дракончиком, не выпуская то уродливое и толстое чудовище из рук...

Во многих домах эти существа обосновались настолько, что выют там гнезда, высиживают таких же крохотных дра-

кончиков, с которыми обожают играть дети, и потом бегают с ними по улице, обвешанные этими пока еще бескрылыми ящерицами, те умеют вцепляться в одежду так, что не отдерешь.

Наконец, перекинув через плечо перевязь меча, я вышел из спальни, чувствуя, как не оставляет странное чувство покоя, будто вернулся в свою семью, хотя на самом деле должен быть постоянно настороже: неужели у прежнего хозяина нет преданных и лояльных слуг, кто просто как бы обязан по преданности и лояльности сунуть нож под ребро?

Надо ехать дальше, мелькнула трезвая мысль. И вечный бой! Покой нам только снится... Сквозь кровь и пыль летит, летит степная кобылица и мнет ковыль... Сейчас попрошусь и двину дальше. Если Бобика отыщу, что-то он даже не ночевал со мной в одной спальне, такого давно не было.

По длинному коридору прошел не больше десятка шагов, как из одной комнаты выскочил с воплем мальчишка, за ним выметнулась девчушка чуть постарше, лет семи.

На ее плече прижался пузом и уцепился когтями в курточку крупный дракончик с сердито разинутой пастью и красными от ярости глазами.

– Эй-эй, – сказал я строго, – не драться!..

Девчушка остановилась, пробежав еще чуть по инерции, оглянулась с вытаращенными глазами. Дракончик тоже уставился на меня точно так же, копируя хозяйку.

Мальчишка отбежал на безопасное расстояние и там по-

вернулся ко мне.

– А ты кто? – спросила девчушка тоненьким голоском.

А мальчишка добавил пискляво:

– И почему выходишь из папиной спальни?

Я сказал приветливо:

– Какие умные и наблюдательные!.. Молодцы... Ваш отец отбыл по зову высших сил на небеса. Там тоже надо работать, а рук не хватает, вот и позвали, вас же поручил мне. Так что если будете себя плохо вести, я буду таскать за уши и пороть.

Девочка сказала быстро:

– Нас никогда не порол!

– Да, – поддержал мальчишка и потрогал уши. – И за уши не таскал.

– Правда? – изумился я. – Что за странное воспитание! Хорошо, я проверю, и если это правда, то пороть не буду.

– И за уши, – добавил мальчишка, быстро смелея.

– И за уши, – согласился я. – Чем-нибудь заменим. Например, буду подвешивать за ноги над муравейником. Или сажать на него связанными.

Они ахнули и уставились на меня расширенными глазами, а я приблизился и осторожно погладил их по головам. Похоже, отец, как и большинство мужчин, совсем не уделял им ни времени, ни ласки, занятый охраной своих земель, набегам на соседей, сколачиванием союзов, а эти двое уже наверняка помолвлены с детьми из могущественных кланов.

– Ты теперь будешь спать в папиной? – спросила девчушка

серьезно.

Я кивнул:

– Да. Но я тоже, как и ваш предыдущий отец, буду отлучаться часто... может быть, даже чаще, чем он. У мужчин много обязанностей в этом мире. А теперь бегите, играйтесь... тьфу, что за дурное слово, играйте и не деритесь.

Глава 6

В замке пусто, людей увидел только во дворе. Мне кланяются, величают господином. Свой статус я доказал, сразив в честном бою их хозяина, а потом еще в одиночку одолел Гаганша, лучшего бойца их соперничающего лорда.

Похоже, последнее расценивают вообще как подвиг, такому великому воину служить выгодно, их не дам в обиду и соседям буду в острастку.

Неспешно, все еще настороженный, я вышел в зал. Очень светлый, из белого камня солнечного цвета пол, свод и стены, а колонны непривычно тонкие, изящные, без громоздких барельефов, собирающих пыль, идеально прямые. А ближе к потолку вдруг распускающийся, как крону, широкий каменный веер, поддерживающий свод.

Ноздри уловили слабый запах, несколько непривычный, что я невольно пошел в ту сторону. Из-под дальней двери просачивается нечто такое, что я назвал бы не самым приятным ароматом хлора.

Не спрашивая разрешения, я толкнул дверь, заперто.

– Эй, – сказал я громко. – Что случилось? Немедленно отпереть!

По ту сторону долго никто не отвечал, только слышится шебуршание и скрип мебели.

Рассердившись, я сказал грозно:

– А вот сейчас я вышибу эту хлипкую дверь так, что и стену там напротив разнесет...

Юношеский голос испуганно спросил:

– Кто там?

– Хозяин! – ответил я громко. – Ты уже знаешь, что хозяин сменился? А ждать я не люблю.

За дверью голос жалобно прокричал:

– Я только сейчас приберусь!

– Открывай, – велел я. – Кто смеет держать господина перед запертой дверью?

Послышался жалобный вскрик, шаги, скрежещущий звук отодвигаемой щеколды.

Дверь отворилась, с той стороны отступил довольно высокий худой парень в помятой и перепачканной рубашке. Длинные волосы неопрятными сосульками падают на плечи, штаны в пятнах, башмаки настолько растоптанные, что понятно: ходит только здесь по комнате.

Я окинул взглядом комнату. Не слишком просторная, но странно уютная, несмотря на переполняющий хлам, что к тому же и свален в беспорядке. Нет, это на первый взгляд, все же чувствуется, что время от времени, когда ищут что-то, одну кучу перекладывают на другую.

На раскрытой посредине толстой важной книге устроилась чаша, я покосился на нее, и чем-то родным пахнуло, захотелось сделать кофе, но сдержал свои искренние порывы.

– Понятно, – сказал я с отвращением, – колдун!.. Эликсир

бессмертия ищешь... Философский камень...

Он сказал виновато:

– А кто его не ищет?

– Ну и как? – спросил я. – Нашел?

Он так же виновато улыбнулся.

– Я и не искал. Магией у нас занимался хозяин, я только помощник. Поддай-принеси, вскипяти, добудь, вот здесь поддержи, здесь опусти...

– Хозяин был сильным магом? – спросил я.

Он пожал плечами:

– Судя по тому, что здесь вы, а не он... не слишком.

– Разумно, – сказал я. – А вдруг он решил драться честно?

Он снова пожал плечами:

– С чего бы? Главное – победа. А уж как...

Я поинтересовался:

– А как же идеалы? Мораль?.. Праведная жизнь, благородное оружие...

– Это ушло, – ответил он, – когда церковь... отступила.

Я всмотрелся в него внимательно.

– Ого, ты не совсем деревенский хвостокрутильщик. Что знаешь, говори.

Он пробормотал:

– Я слышал, вы из дальних краев... Но... в самом деле не знаете?

– Я знаю много чего другого, – ответил я резко. – Потому правлю здесь я, а также задаю вопросы тоже я.

Он испуганно втянул голову в плечи. Я по-хозяйски смахнул с ближайшей табуретки скатанные в тугие рулоны грамоты, сел и уставился на него требовательными глазами.

Ему, понятно, сесть не предложил, хотя душа интеллигента и требует, но нужно дать понять, что и в этой лаборатории хозяин я, а он всего лишь нанятое помогать и даже что-то делать самостоятельно существо.

Из его рассказа, сбивчивого, но достаточно грамотного, выяснилось, что армия Карла в разгроме церкви ни при чем, та проиграла битву за души еще раньше, когда здесь местные взялись слишком рьяно строить Царство Небесное. И драгоценности швыряли в огонь, и украшения, со слезами давая обеты жить бедно и праведно, как завещал Христос, но энтузиазм проходит, через несколько то ли лет, то ли десятилетий бедности и праведности переели настолько, что маятник качнулся в другую сторону.

Ярость людей, посчитавших себя обманутыми, была так велика, что убили всех священников, кому не удалось спрятаться или бежать, все церкви сперва превратили в общественные склады, а потом самые мелкие разрушили, чтоб не напоминали о позоре. Часовен теперь вообще ни одной, ибо приспособить под что-то полезное не удалось.

Потому и с Карлом, еще задолго до того, как подошли его войска, наладили контакт, и он не стал вводить сюда армию, довольствуясь крупными отрядами добровольцев, влившихся в его войско.

Я выслушал, оглядел его критически. Парень хил телом, но не глуп, излагает грамотно, а главное – самое важное, опуская детали, которые как раз заинтересовали бы другого слушателя.

– Каковы успехи в колдовстве?

Он развел руками:

– Как и догадываетесь, господин, не больше, чем у других собирателей древностей.

Я бегло осмотрел помещение, прошел вдоль стен. Везде одни и те же черепа, отрубленные кисти рук, почему-то им приписывают целебные свойства, засушенные и мумифицированные тельца мелких животных, реторты, кувшины медные, чугунные и два серебряных, с десятков ступок разного размера, в некоторых еще остатки истолченной травы или растворов, перепачканные пестики, сложенные в беспорядке древние книги, почти все в медных и латунных переплетах...

– Ладно, – сказал я, – не мое это дело. Я предпочитаю мчаться на горячем коне и с плеча рубить врага.

Он посмотрел на мое гордое надменное лицо господина, покорно опустил взгляд.

– А ты, – сказал я, – смотри у меня... А это что у тебя?

Он проследил за моим взглядом, я неотрывно смотрел на некое подобие старинного пистолета. Удобная рукоять, узкий ствол с темным дулом...

– Это что? – спросил я и взял в руки.

Он вскочил поспешно.

– Только не нажимайте вон там на скобу!

– Догадываюсь, – ответил я медленно. – И чего он творит?

Его голос звучал жалко:

– Я им зажигаю огонь в тигле. И даже дрова в камине, когда холодно, очень даже удобно.

Я удивился, повертел в руках.

– Как?

Он протянул руку:

– Позвольте?

Я передал ему, он осторожно направил ствол в пустую часть комнаты и нажал на спусковую скобу. Из дула вырвалось яростное пламя в виде луча: белое у самого ствола, дальше желтое и оранжевое, а на расстоянии в два шага переходит в багровое, а дальше исчезает.

– Ого, – сказал я. – Да, зажигалка мощная. Ею, кстати, можно даже железо резать. Хорошо, ты до таких вещей пока не додумался.

Он сказал торопливо:

– Я философский камень как бы ищу! И секрет бессмертия!.. Что мне такие житейские мелочи...

– Правильно, – ободрил я. – Тайны науки неча приспособлять для огородов.

Он опустил пистолет с уже погасшим огнем на стол и посмотрел на меня вопросительно.

– Ваша светлость?

– Да это так, – ответил я высокомерно, – мудрости для

особо благородных. Ладно, бди. Пока что бить не буду.

Когда вышел от него, не успел сделать и пару шагов, как из-за поворота показалась дочурка Алвимы. Она топает маленькими ножками навстречу, словно в трансе, в раскрытых ладонях трепещет желтый огонек, как показалось вначале, освещает ее лицо снизу, а так оно кажется совсем не тем, что видел час назад.

Едва не наткнулась на меня, в ладонях танцует в очень быстром темпе крохотная человеческая фигурка с крыльями, как у бабочки по форме, но прозрачными, будто стрекозными. Я даже не рассмотрел, мальчик или самочка, слишком быстрые движения, потому огонек трепещет быстрыми сполохами, и кажется, что по лицу ребенка снизу вверх бегут волны.

Я спросил тихонько:

– Что это у тебя?

Она прошептала:

– Мама сказала, это фея... Раньше их много было, так говорят, теперь совсем-совсем мало.

– Может, – предположил я, – она есть хочет?.. Видишь, выпрашивает...

Она прошептала, не отводя зачарованного взгляда от танцующего существа:

– Не знаю... А что они едят?

– По идее, – сказал я, – нектар и пыльцу, как и все насекомые. Или колибри. Неси на кухню.

– Далеко, – ответила она тихонько. – Улетит...

– Тогда к себе, – сказал я. – Это твоя комната?

– Моя...

Я тихонько отворил дверь, она осторожно перешагнула порог и вошла. Я быстро, пока она не смотрит, сотворил сладкого сиропа, добавил туда для закраски и аромата несколько капель ягодного сока.

Девочка подошла к столу, ее глаза широко распахнулись. Фея, увидев лакомство, выпорхнула из ее ладоней и, усевшись на край блюдца, встала на четвереньки и припала хорошенькой мордочкой к сладкому напитку.

К счастью, достаточно крупненькая, поверхностное натяжение не удержит в плену, но пленка сиропа начала приподниматься по рожице к ушам, и она отрывалась от лакомства и суетливо вытирала лапками, как муха, мордочку, а потом снова пила, и я видел, как наполняется ее брюшко.

Малышка наблюдала зачарованно, даже не спросила, откуда в ее комнате это блюдце, дети не задаются такими вопросами, только хлопала длинными темными, как у мамы, ресницами и смотрела, стараясь не дышать, чтобы не спугнуть волшебное существо.

Фея наконец оторвалась от лакомства, села на край блюдца и долго чистилась, в нашу сторону поглядывала уже не столько испуганно, сколько с явным интересом.

Я тихонько обнял девочку, она доверчиво прижалась ко мне и шепнула тихо-тихо:

– Мама говорит, они теперь только к детям прилетают...

– Странные здесь дети, – ответил я тихонько. – Даже не обрывают мухам и бабочкам крылышки, а паукам лапки?

Она сказала так же тихо:

– Другие обрывают...

Я вздохнул с облегчением:

– Ну, тогда все в порядке. А то уж подумал, мир перевернулся.

Фея закончила приводить себя в порядок, как муха, после чего поправила волосы уже чисто по-женски. Мордочка у нее хорошенькая, даже предельно изящная, чересчур кукольно красивая, женщины за такую отдали бы все, что у них есть, да и дивная фигурка выточена так умело, что только при почти полном отсутствии гравитации можно жить с такой талией и такими вот, что никогда не отвиснут.

Девочка вздрогнула и широко распахнула глаза, когда фея открыла ротик и что-то пропищала.

Я сказал ей шепотом:

– Я что-то тугой стал на ухо, скоро оглохну, как Бетховен. Кричи громче.

Она пропищала снова, но я услышал только:

– ...не могу... слишком...

– Я наклонюсь, – прошептал я, что для нее должно слышаться подобно раскатам грома, – не пугайся...

Она не ответила, я начал наклоняться к ней, но крылышки за ее спиной затрепетали. Она взвилась в воздух так быстро,

словно прыгнул кузнечик.

Я замер, чувствуя потерю, но буквально через мгновение за ухо ухватились крохотные лапки, тонкий голос пропищал прямо в ушную раковину:

– А так?

– Слышу, – сказал я с облегчением.

Малышка замерла, глядя на меня счастливыми глазами, а фея прокричала:

– Ты кто?

– Не ори, – предложил я, – а то я чувствую себя вдвойне женатым человеком. Когда ты там, я слышу хорошо.

– Да? – проговорила она уже тише. – Странно, у тебя тут такие заросли, можешь в самом деле оглохнуть.

– Это чтоб непрошенные феи в уши не заползали, – объяснил я. – Когда сплю, например. А то заползут и яйца отложат! Но для тебя готов расстаться с ними, правда! Хочешь повыстригать?

– Еще чего, – ответила она оскорбленно.

– Не хочешь? – удивился я. – А у нас это высшая честь и демонстрация полного и безграничного доверия. Видишь, какие мы разные, но чувство красоты, как погляжу, универсально. Ты самая красивая из всех фей, что я видел!

В ее звеняще-пищащем голоске я уловил буйное ликование:

– Правда? Я тоже так все время думаю, а мне говорят, что я дура.

– Тем более, – сказал я убежденно, – красивая!.. Вы эндэмы или ваш ареал обитания пошире?.. Водитесь ли только в местном королевстве... тьфу, для вас эти имена ничего не значат. Много ли вас, как народа или популяции?

Она пропищала озадаченно:

– Не знаю...

– Но ты других видела?

– Да...

– И... что?

Она ответила с недоумением:

– А ничего...

– Подросток, – сказал я понимающе, – а то и вовсе ребенок. Ничего, скоро захочешь и другие игры... Если, конечно, у вас период счастливого детства не затягивается лет на сто или тысячу... В общем, припархивай сюда, когда захочешь. Сладкий и свежий сироп всегда будет тебя ждать. Можем сделать и еще всякие лакомства!

Она пискнула:

– Какие?

– Всякие, – повторил я. – Разные.

Глава 7

Выходя во двор, все еще думал об этих дракончиках, крохотной фее. Такую красоту нельзя изгонять, нужно только найти, как ее встроить в наш суровый и морально чистый пуританский христианский мир, раскрывший перед человеком путь прогресса.

Когда вернусь, дам задание отцу Тибериусу, а он засадит за книги кого-нибудь из ученых монахов. Цистерцианцы – народ ушлый, где-то да отыщут намек на то, что Господь создал эти создания, чтобы освещали дивными огоньками его эдемский сад и ночью. Красотой нужно иметь возможность любоваться в любое время суток, это неотъемлемое право цивилизованного человека, а Господь точно имеет в виду построение правового и в некоторой степени гуманного общества под четким и ясным наименованием Царства Небесного...

А раз они создание Господа, то их нельзя уничтожать и преследовать, вот так-то. Штраф такой-то, а за повторное деяние – каторга на каменоломнях. Убил в третий раз – казнь через повешенье с конфискацией и лишением титулов. Как за порчу особо важного имущества.

Тут, правда, есть нюансы, все-таки это не имущество... ну тогда как за издевательство над животными. В цивилизованных странах на первый раз тоже отделяются штрафом, хоть и не мелким, а потом уже и тюрьма. Только я не обе-

щаю комфортное содержание, ибо я гуманист, а гуманист не может быть ко всем ах-ах, если к одним гуманист, то для их оппонентов выглядит лютым злодеем.

Во дворе кипит натурально-общинная или, как ее правильнее, трудовая деятельность. Я посмотрел свысока, в смысле, с высокого крыльца, мелькнула мысль, что нужное выполнил, в права вступил, можно и в Варт Генц, но свободного времени еще масса, при моей скорости могу успеть туда-обратно сотни раз, пока подойдут мои войска...

Алвима вышла из-за построек, улыбнулась сдержанно, но когда подошла ближе, я рассмотрел, как дивно сияют ее крупные черные глазищи, а пухлые губы за ночь стали еще вздутее.

– Мой господин, – сказала она смиренно, – что-нибудь изволите?

– Да, – ответил я.

– Я готова служить.

– Пойдем в дом, – сказал я, – расскажешь немного о своем крае и соседях. А то я знаю королевство Турнедо и королевство Варт Генц, но что между ними затаился и такой вот мирок, даже не догадывался.

Она ответила еще смиреннее:

– Как велишь, мой господин.

Я хотел было пропустить ее вперед, но она остановилась, я вспомнил, что в их племени женщина идет только позади, пожал плечами, но в чужой монастырь со своим уставом не

хожу, вообще по монастырям как-то не вообще, прошел вперед, но в холле остановился в изумлении.

На боковой стене зеркало, которое вчера почему-то не заметил, сейчас сразу уставился в туповатом изумлении. Всадник проедет, не пригибая головы и растопырив ноги, рама толстая, массивная, для таких размеров так и должно быть, однако же...

– Здорово, – сказал я, – никогда таких громадных не видел. А почему не в твоей спальне?

Она взглянула на зеркало, перевела взгляд на меня.

– Не перетасить, – объяснила она, – вон какое громадное. И в дверь не пройдет, пришлось бы стену ломать. А самое главное, иногда я там себя не вижу.

Мое сердце подпрыгнуло и замерло в охотничьей стойке.

– Ого! А что видишь?

– Ничего, – ответила она хладнокровно. – Когда гроза, то там все зеленое и как будто круги идут по воде, а когда слишком жарко – плавают всякие пятна. Как в глазу, если надавить пальцем на глазное яблоко.

– В грозу и жару, – повторил я.

Она сказала терпеливо:

– Не только. Еще в какие-то дни, я не запоминала. Иногда все хорошо, а там вдруг ничего. Просто серо. Так что оно служит... когда само захочет.

– Как я вчера его не увидел, – пробормотал я.

– А вчера его и не было, – ответила она спокойно.

Я дернулся.

– Чего?

– Сегодня появилось, – пояснила она. – Обычно там ровная стена, но иногда это зеркало почему-то вот так...

– И часто?

– Не часто, – ответила она, – но надолго. По несколько недель. Потом снова пропадает.

Я сказал с тоской:

– Сколько загадок чудных, а я какой-то хренью занимаюсь! Я имею в виду политикой, не обижайся.

Выходя из зала, я не утерпел и оглянулся на странное зеркало. У него даже рама выполнена в виде эдакой красивой дуги, как обрамление дверного входа. Хотя, может быть, выдаю желаемое за действительное. Столкнувшись с разрастающимися размерами земель, где пасусь, старательно ищу возможности передвигаться быстрее и без особых усилий, вот и высматриваю то, на что раньше не обращал внимания.

Из-за двери, мимо которой идем, неожиданно донеслись грохот и лязг, я услышал даже рев большого и явно опасного зверя. Алвима даже не повела бровью, а я на ходу чуть приоткрыл дверь, отпрянул.

Рыцарь в полтора моих роста, весь в железе с головы до ног так, что даже не видно глаз в прорези шлема, ожесточенно дерется с львом тоже великанских размеров. Хотя нет, не лев, только морда львиная, а тело покрыто чешуей с металлическим блеском.

Алвима остановилась дальше в коридоре и повернулась ко мне, на лице нетерпение. Я хотел сообщить такую вот новость, а то глухая, не слышит, но рыцарь и лев в схватке сдвинулись к стене, и у меня перехватило дыхание, когда рыцарь задел локтем стену и... тот вошел в нее с легкостью, но при замахе снова появился, словно был не в плотном камне, а просто вне поля моего зрения.

Я прикрыл дверь и догнал Алвиму. Она перехватила мой встревоженный взгляд, я сделал вид, что ничего, каждый день такое вижу, привык даже.

– Призраки, – произнесла она безучастно. – Безобидные.

– Как часто?

– Раз в неделю, – ответила она. – Это недолго. Несколько минут, потом все исчезает...

– Кто побеждает?

– По-разному. Один раз откуда-то бросили букет цветов, рыцарь нагнулся за ним, а лев прыгнул сверху, повалил и растерзал...

– Но на следующий раз дрались как ни в чем не бывало?

Она взглянула на меня искоса.

– Да. Ты такие уже видел?

– Конечно, – ответил я малость свысока. – Только не обрывки, а целиком. Ладно, пойдем, нас многое старается отвлечь от наших целей. Конечно же, великих.

Она снова покосилась в мою сторону с вопросом в глазах, но промолчала.

Я пил кофе, что-то снова много пью, а она рассказывала так же искренне и просто, как и все, что говорила и делала:

– Когда-то нас была горстка, как и гешидов, но мир стал теплее или добрее к нам... и теперь у нас много людей и много отважных воинов. Правда, еще больше их у юнашитов, а тех когда-то, как помнят старики, было всего трое из всего рода...

– Стало много людей, – сказал я понимающе, – и начались войны за пастбища, за земли, за власть?

Он кивнула.

– Да. Нас меньше всех, но Торадз дрался всегда отважно. Правда, если бы замок не был защищен пропастью, то, возможно, мы бы уже погибли...

Ее лицо оставалось спокойным, а голос звучал ровно, словно говорила не о близкой гибели всего ее народа, а рассказывала, сколько шерсти собрали с овец. Никаких обид, всем нужна земля прежде всего для своего народа, они точно так же теснили бы юнашитов и гешидов, если бы тех оказалось меньше.

Ничего личного, простая дарвиновская конкуренция, выживает сильнейший. Никаких обид, никаких претензий.

– Гешиты и юнашиты, – спросил я, – в родстве?

– Да, – сказала она, – два рода от родных братьев Турганлая. Мы тоже в родстве, но ведем от двоюродного. Однако они теснят нас, скоро сотрут с лица земли...

Везде одно и то же, мелькнула мысль. Все по Дарвину. Но пора мне заменить этот звериный отбор социальным... Не для того ли я сюда и попал, чтобы прийти к этой мысли? Более сильный и многочисленный народ – не значит лучший.

– Хорошо, – сказал я и поднялся, – я пойду знакомиться с замком и людьми дальше. А ты иди... отдыхай?

Она сказала смиренно:

– Мой повелитель, хозяйка должна трудиться больше слуг, чтобы служить им примером.

Я кивнул, все верно, возразить нечего, сам такой, тружусь, как деловитая пчелка, тоже все по цветочкам да по цветочкам, сладости жру, на солнышке греюсь, готовлюсь спасать мир.

Некоторое время я бродил по замку, знакомился, так объяснил Герсту и остальным, а когда убедился, что никто меня не видит, сорвался с балкона прямо в бездну, а там уже, растопырив крылья, прошел понизу до противоположной стены и понесся вдоль нее вверх, делая вид, что я вообще тут на дне и живу.

Наверх вылетел подальше от замка, и когда поднялся в небеса повыше, убедился в который раз, что и здесь как структура племен, так и взаимоотношения зависят от географии. В древности то ли страшный жар накалил здесь земную кору так, что полопалась, то ли подземные точки раскололи, но глубокие трещины разделили поверхность на участки.

Как туда пробрались первые люди, вряд ли кто сможет

ответить, но теперь это целые племена, которым становится тесно. Надо выйти по мостикам и узким переходам и обрушиться на соседей, которые тоже денно и ночью стерегут места, откуда могут напасть...

Дороги из Турнедо в Варт Генц и обратно идут в обход, даже не в обход, просто ни у Турнедо, ни у Варт Генца нет в этой части поблизости ни городов, ни рудников, потому здесь и живут эти, как горцы, отгороженные от мира.

Вот что значит ездить напрямик, мелькнуло у меня. Гласит же древняя мудрость: кто выбирает прямые дороги, тот дома не ночует...

Ага, вон там и владения грозных юнашитов, в самом деле там жизнь кипит, народу не просто больше, а все и работают с азартом, насколько удастся рассмотреть с высоты. Чувствуется победный дух, что так важно для выживания и побед...

На миг шелохнулось чувство вины, а прав ли, вмешиваясь в естественный отбор, но напомнил себе потверже, раз уж сам не уверен, что дарвиновская эволюция в отношении людёв уже прекратилась, а мы сами ее прекратили, дали старт социальному отбору.

У вождя юнашитов не замок, а грозная и мрачная крепость на горе уступами. Выглядит твердыней из толстых каменных стен, и только вот так, с высоты, видно и зелень во-круг, и сады, и стада коров, овец, коз.

Я опустил в овраг, там без помех долго перевоплощался в самого огромного дракона, какого только сумел создать,

чтобы еще и в воздух сумел поднять свою непомерно тяжелую задницу. Вылетел, прошел над замком на большой высоте, стараясь не появляться прямо над укреплением, никогда не забуду ужасающие по мощи Ледяные Иглы.

Мышцы живота и сейчас вот напряглись, сами вспомнили... а такое выныривает из памяти почему-то само, я ни при чем.

Из ворот крепости выметнулся отряд всадников, все на поджарых конях вороной масти, тут словно и коней каждое племя выращивает свою породу.

Я осторожно двигался на большой высоте, стараясь не привлекать к себе внимания, хотя во время быстрой скачки все смотрят вперед и под конские копыта, затем резко пошел вниз.

Всадники мчатся легко и беспечно, далеко впереди пасется стадо антилоп, можно попытаться догнать их до спасительного леса и подстрелить хоть одну.

Моя грозная тень прошла над ними на большой скорости, но они не обратили внимания, антилопы уже вскинули головы и насторожились, заслышав далекий стук копыт.

Я пролетел дальше, сел впереди между стадом и всадниками, едва не ткнувшись мордой в землю, и быстро развернулся.

Они уже натягивали поводья, кони поднимаются в ужасе на дыбы. Кто-то прокричал вполосенно:

– Дракон!

Какой догадливый, мелькнуло у меня язвительное, запахнул пасть и проревел:

– Всем стоять!.. Никому не двигаться!.. Я не дракон, а повелитель всех джиннов, ибн-Дауд, и могу принимать любой облик!

Они кое-как управились с конями, что хрипят и все стараются умчаться куда глаза глядят.

Самый отважный прокричал:

– Что ты хочешь, господин? Мы в твоей власти и молим о пощаде!

Я проревел страшно:

– Я нахожусь на службе своего господина Ричарда Завоевателя, который взял владения Алвимы после гибели ее мужа Торадза под свою опеку. Я могу в облике огненного дождя испепелить ваши земли так, что сто лет не будет расти даже трава! Я могу истребить всех людей, скот и все-все, как могу всего лишь вбить вашу крепость в землю, чтобы там везде стало ровно и красиво, как выструганная умелым столярком столешница.

Всадник прокричал:

– Пощади!

Я проревел страшно:

– Мой повелитель вскоре покинет эти земли, а меня оставляет исполнять повеления госпожи Алвимы. Мой господин Ричард Завоеватель милостив и не велел всех вас уничтожать, но дальше ваша судьба будет зависеть от воли госпожи

Алвимы.

Всадник вскрикнул в ужасе, а двое в отчаянии схватились за волосы.

– Господин, – закричал первый тонким голосом, – она велит нас стереть с лица земли!

– Так и будет, – согласился я мощным ревом, от которого вздрагивает земля, – если не принесете ей богатые дары и не поклянетесь в полной покорности. Но если сделаете это, господин Ричард велит ей пощадить вас. Он советует сделать это сегодня же, пока он здесь.

– Господин!

– Так и передайте вождю, – проревел я.

Они что-то выкрикивали, я не стал слушать их крики и заверения, с силой оттолкнулся лапами, ударил крыльями по воздуху так, что тугая волна едва не сбила их с ног вместе с конями, поднялся, огромный, как дирижабль, и унесся, с каждым взмахом набирая скорость.

Народ здесь простой и простодушный, теперь в страхе делают все, чтобы умиловить Алвиму. Это с правителем покрупнее такое бы не прошло, у него может отыскаться и Ледяная Игла, и что-то еще противодраконье. Везде, где появлялись драконы, люди вскоре придумывали, как с ними бороться. В результате люди расползаются по всем землям, осваивают уже пустыни и острова, а драконов все меньше и меньше.

Глава 8

На всякий случай я опустился за лесом, перебрался в личину как можно более мелкого птеродактиля и в таком виде уже нырнул в пропасть за полмили восточнее, прошел чуть ли не по дну, а когда далеко впереди замаячила в недостижимой выси стена крепости, я резко взмыл вверх, как глубоководная рыбина со дна океана, вынырнул из бездны и торопливо уцепился крючковатыми лапами за перила балкона.

Убедившись, что никого, быстро перевалился на ту сторону, торопливо перетек в человеческую личину и сделал вид, что вот в задумчивости созерцаю отсюда окрестности.

После обеда примчался Герст, поклонился, скрестив руки на груди, а когда вскинул голову, черные глаза горят мрачным восторгом.

– Господин!.. По ту сторону моста люди Мурдраза.

Алвима вздрогнула, напряглась, а лицо стало мертвенно-бледным. Я сказал ей мирно:

– Продолжай. А я пока пойду посмотрю, что они хотят.

Она сказала быстро:

– Умоляю, позволь пойти за тобой.

– Ну, – улыбнулся я, – если на два шага позади.

Она взглянула с вопросом в глазах, не понимая, что смешного, а я кивнул Герсту:

– Ты тоже с нами.

– Благодарю за честь, господин!

Я поднялся, отодвигая стул, а когда шагнул к выходу, Алвима торопливо задвинула его на место, видать, тоже ритуал, и поспешила за мной.

Втроем мы вышли из замка, во дворе уже весь свободный народ, а по ту сторону провала пятеро всадников с флагами из белого полотна, что везде означает либо сдачу, либо перемирие, либо приглашение на переговоры.

Я подошел к мостику, помахал рукой.

– Дорога свободна, заклятия с моста сняты. Можете проехать.

Алвима и Герст взглянули на меня в удивлении, о заклятиях слышат впервые. На той стороне передний всадник передал знамя одному из соратников, а сам осторожно пустил коня вперед, но проехал, как я ревниво отметил, спокойно и бестрепетно, гордый и прямой в седле.

Я наблюдал, такой же державно безразличный, а всадник на этой стороне покинул седло, преклонил колено и опустил голову.

Алвима замерла, глядя огромными глазами то на посланца Мурдраза, то на меня, а я после точно отмеренной паузы произнес милостиво:

– Вижу, мой покорный слуга уже передал от меня послание... а еще вижу, вы приняли верное решение.

Он поднял голову и, не вставая с колен, сказал вздрагивающим голосом:

– Мы... повинемся. Мое племя, мой народ Встречного Ветра, готов выполнять твою волю, господин.

Только я слышал, как тихонько ахнула Алвима, а Герст и высыпавшие на стену обитатели замка, напротив, лишились дара речи и только смотрят на все по-лягушачьи выпученными глазами.

Я снова помолчал для солидности и державности, мудрецы не говорят скороговоркой, а роняют осмысленности медленно и важно, покосился на Алвиму и ее начальника охраны замка.

– Моя воля, – проговорил я снисходительно, – чтобы все жили в мире и согласии. Мне ваши жизни, конечно же, не нужны, ибо я могу создавать и разрушать миры... Но я волей случая проезжал по этим краям в глубокой задумчивости, и тут на меня кто-то набросился. Не переставая размышлять о высоком, я как-то неловко отмахнулся, а потом увидел, что нечаянно убил человека... По-моему, это был человек, насколько помню. Или нет?.. В общем, как вы понимаете, пришлось взять вдову убитого под защиту...

Он сказал торопливо и с заметным облегчением:

– Да-да, законы Творца святы для всех!

– А раз она под моей защитой, – сказал я медленно и лениво, – то любой урон ее интересам или достоинству будет направлен и против меня... ну, вы поняли?..

Он вскрикнул:

– Да, конечно! Обязуюсь...

Я прервал мягким железным голосом:

– Конечно же, как бы я ни был занят в других частях света, я немедленно приду ей на помощь. И месть моя будет не только страшна, но и образцово-показательна. Чтобы о ней с ужасом вспоминали сотни лет и говорили о жуткой судьбе истребленного племени, имя которого устроятся называть вслух.

Он сказал дрожащим голосом:

– Да, господин, да...

– Встань, – сказал я милостиво, – иди и не греши. Я не требую, чтобы ты приносил клятву верности женщине, что под моей защитой. Просто не задевай ее интересы.

Он вскричал с огромным облегчением:

– Господин! Теперь никто не посмеет относиться к госпоже Алвиме без должного уважения!

Прошел еще день, ночью она пришла в мою постель, тихая и готовая исполнять свой долг, все это время я называл и продолжаю называть ее Алвимой, ни разу не обмолвившись, кто она мне. Все-таки и жена, и наложница – это нечто обзывающее. Женой называть не хочу, наложницей – унизительно для нее, с моей точки зрения, хотя она так не считает, ибо наложницы пользуются по закону всеми правами, что и жены, только дети от них не имеют доступа к трону или имуществу, кроме той части, что выделит отец или его жена по своей воле.

Впрочем, она могла считать себя кем угодно, это ее дело,

я деликатно не влезал в это, местные реалии, этнографию, томагавки и бубны с плясками.

Герст с утра побывал со своими людьми на землях юнашитов, их везде принимали с почтением, как старших, вернул и с восторгом доложил, что теперь все иначе.

Я подозвал Алвиму, она взглянула мне в лицо, во взгляде проступила печаль, а из груди вырвался тихий вздох.

– Уезжаете, мой господин?

– Надо, – сказал я тяжело.

Она сказала тихо:

– Я понимаю. Мужчины меняют мир.

– Стараемся, – ответил я неуклюже. – Иногда получается.

Хоть на песчинку, и то хорошо.

– Это ваше предназначение, – прошептала она. – А наше... дать вам отдых и силы. Где бы мой господин ни бывал, пусть помнит, что здесь его любят и ждут.

Я привлек ее к себе, наклонился и поцеловал в губы.

– Знаю. И... благодарю. Для нас очень важно, чтобы ждали и любили.

– Это все есть у моего господина.

Она сняла с пальца кольцо и протянула мне:

– Это моему господину.

– Спасибо, – ответил я, – но в моем народе мужчины дарят женщинам всякое... такое.

Она покачала головой:

– Это не подарок.

– А что?

– Кольцо Возвращения, – пояснила она. – Где бы мой господин ни оказался, ему стоит повернуть его камешком вниз, и его немедленно доставят в этот зал.

– Ого, – сказал я. – А в какое-то другое место... может?

Она снова покачала головой.

– Нет. Только сюда. Потому и называется Кольцом Возвращения. Они с замком одно целое.

Взгляд ее затуманился, я сообразил, несмотря на свою толстокожесть, о чем подумала и что вспомнила, обнял ее и погладил по склоненной на мою грудь голове.

– Он вел себя достойно. Мог вернуться и спасти свою жизнь, но это значило оставить тебя мне... И он решил сражаться до конца. Он дрался уже не за свою честь воина... а за тебя, Алвима.

Она тяжело вздохнула мне в грудь. Вообще-то, думаю, на самом деле он просто ничего не успел сделать. Это если бы я ранил или начал бы очень сильно теснить, то, возможно, и удрал бы, однако я при равной схватке ухитрился рассечь ему артерию на шее, а в этом случае поворачивай кольцо или не поворачивай, конец один, и очень быстрый.

Я еще раз поцеловал ее крепко-крепко, прижал к себе, понимая, что вряд ли, если не случится чудо, побываю здесь еще раз. И светлая печаль окутала сердце. Сколько чистых и светлых женщин нуждаются во мне, но что я могу?

Бобик снова черной тенью скользил далеко впереди, Зайчик мчит меня сквозь рев встречного ветра, впереди Скарлянды, а в голове стучит раздраженное: ну и что, вот не сделал зигзаг, и что? Полегчало?.. Доволен и счастлив? Надо ли было останавливаться, травить душу покоем и малым, как говорится, человеческим счастьем?

Все наоборот, чувствуешь себя так, словно сунул голову под одеяло и решил, что будешь жить под ним, там тепло и уютно, а холодный и жестокий мир с государственными заботами пусть на кого-то другого. Есть же дураки, что стремятся к трону только потому, что мечтают водрузить на него свой зад и вздохнуть с облегчением: ну вот, добился главной цели в жизни!

И в самом деле для них это главная, теперь можно просто жрать, пить, пользоваться всеми бабами по праву альфа...

Неужели я в самом деле дорос до некого понимания? Я же раньше, как и все обыватели, полагал, что во власти одни жулики и воры, только хапают и наших баб имеют, ничем другим не занимаются, а страну разваливают...

Может, и разваливают, если совсем дураки. Но тогда, если в самом деле умные, возьмите власть в свои руки! Не-е-ет, либо кишка тонка, либо есть дела поинтереснее. Или и в самом деле кажутся самыми интересными, пока не попытаешься рулить огромным государственным кораблем, что на самом деле интересно, но если со стороны посмотреть – нет на свете более скучного и сковывающего движения заня-

тия...

Бобик далеко впереди вместо того, чтобы замедлить бег, ускорил прыжки еще больше. На вершине дальнего холма, откуда хорошо видна вся долина внизу, проступили крохотные силуэты десятка всадников.

Я сосредоточился, иначе голова кружится от дико прыгающего во все стороны суженного обзора, и сумел рассмотреть во главе отряда графа Шварцкопфа.

Он увидел мой взмах руки, молодец, явно пользуется каким-то амулетом, простым глазом так далеко не увидеть, пустил коня вниз по склону, а за ним с некоторым опозданием ринулись его сопровождающие.

Мы встретились на середине долины, я остановил Зайчика, Шварцкопф придержал своего в пяти шагах, спрыгнул и преклонил колено, глядя на меня радостными глазами.

– Граф Шварцкопф, – сказал я.

– Ваше высочество!

– Граф, – сказал я, – станьте и возрадуйтесь. Начинается возрождение великой Скарляндии! Вы даже не представляете, какая несметная рать преть за моей спиной! Все во славу победы гуманизма во всем мире!

Он вскочил и воскликнул воспламененно:

– Ваше высочество! Неужто я дожил до этого дня?

– Эта могучая и боеспособная армия, – продолжал я с подъемом, – способна выполнить любые задачи тактического и стратегического назначения!.. Враг весьма пожалеет, ес-

ли вступит на священные земли Скарляндии, политые кровью ее сынов, отцов, дедов, прадедов, прапрадедов, прапрадедов... гм... и так до Адама и Евы, которые, без всяких сомнений, именно здесь познали радость творения, а согрешили наверняка на землях Варт Генца или вообще соседних королевств, откуда всякие там с жадностью смотрят на богатство наших земель, укрытых глубоко в недрах так надежно, что даже мы сами не знаем, есть ли они на самом деле!

Глаза Шварцкопфа засияли так, что мне чуть ли не впервые стало неловко. Ну что я за свинья, обманываю же хорошего и достойного человека, зачем же еще и умничать, изгаляться... или это я над собой, потому что чувствую себя подленьким и потому подаю как бы шуточку?

– Ваше высочество!

– Все будет, – заверил я. – И от победы к победе прямо и смело в бой за скарляндское дело!

Он смотрит чисто и преданно, вот уж не думал, что я такой оратор, нет, вообще-то знаю и верю, но до чего же приятно смотреть на его залитое радостными слезами лицо, трясущиеся губы и слышать прерывающийся в радостном экстазе голос:

– Ваше высочество!.. Ваше высочество... Ах, ваше высочество!..

Его свита, робко приблизившись, слезла с коней, все преклонили колени, а я отсчитав мысленно положенное количество секунд, ибо раньше срока тоже нельзя, торопливость и

величественность несовместимы, произнес державно милостиво:

– Встаньте, друзья мои! И возрадуйтесь зело.

Ханкбек прошептал дрожащим голосом:

– Что теперь, ваше высочество?

– Принимайте армию, – велел я. – Несокрушимую и легендарную, в боях познавшую радость побед... разгром варварских полчищ, прибывших из-за океана, тоже на ее счету, как и блистательное завершение войны в Гандерсгейме, пусть даже и не побывала там, это неважно в данном аксепте, ибо нечего. Мы даже стоя на коленях как бы не покорялись, а сейчас, когда на знаменах нашей армии начертаны духовность и гуманизм, пусть никто не попадает на дороге! Мы страшно отомстим за все те обиды, которым нам могли бы нанести!

Они все дружно и в страстном подъеме прокричали трижды «Ура!», Шварцкопф громко рыдал и вытирал широким рукавом залитое слезами лицо.

Я похлопал по седельной сумке.

– Знаете, дорогой граф, в этом месте должны звучать трубы, хор мальчиков исполнять «Аллилуйя», а старший церемониймейстер передает верховному церемониймейстеру знаки власти верховного главнокомандующего армией Скарляндии... чтобы тот передал мне. Но мы больше воины, чем короли, верно?

Он прошептал преданно:

– Да, ваше высочество!

– Потому, – сказал я, – передаем все это вам без всяких там ужимок. Вообще-то, на взгляд мужчин, это намного достойнее, чем с прискоками и притопами.

– Да, ваше высочество! – сказал он, глядя на меня как на ангела небесного.

Я вытащил из сумки жезл главнокомандующего и парадный бунчук. Шварцкопф снова опустился на колени.

– Граф, – проговорил я властно и державно, отсчитывая про себя секунды, никак не выработаю в себе эту необходимую размеренную важность, все еще норовлю скороговоркой, – вручаю вам полную и абсолютную власть над армией великой и нерушимой Скарляндии! Отныне вы управляете этой несметной мощью, сами проводите в ней реформы, формируете новые виды войск, назначаете или смещаете военачальников, объявляете войны соседям и так же по своей воле прекращаете! Отныне никто не выше вас во всем королевстве Скарляндии... да-да, теперь можно называть королевством как вслух, так и на бумаге, в договорах и пактах о ненападении друг на друга и нападении совместно на соседей.

Я видел, каким огнем пылают лица вождей племен, что выехали встречать меня вместе со Шварцкопфом. Вообще-то моя речь больше всего на них и рассчитана.

Шварцкопф, теперь уже новый главнокомандующий, воскликнул пылко:

– Ваше высочество!

– Все правильно, – сказал я высокопарно, – все так и должно быть. Кстати, чуть не забыл упомянуть о такой малости, что почти совсем вылетело из головы, она у меня такая, но это такой пустяк, что роли не играет... да вы и сами о нем догадываетесь?

– Ваше высочество?

Я пояснил:

– Ввиду того, что год еще не миновал... вообще-то прошло всего шесть месяцев, потому до истечения срока моего княжения всей полнотой власти обладаю только я, однако это такая мелочь, что вы, понятно, и сами это помните. У вас, граф Шварцкопф, вся абсолютная полнота власти над необъятной и победоносной скарляндской армией, овеянной славой побед, а значит, над королевством. Подчиняетесь вы только мне, больше никому. Разумеется, все перестановки в армии, смещения или перемещения, набор новых людей или увольнения, а также все прочее вы делаете по своему усмотрению и по своей воле, однако я сперва должен просмотреть и завизировать своей княжеской подписью и печатью.

По-моему, он даже не вдавался в смысл моих слов, потрясенный возможностями возвеличивания униженной, оскорбленной и попираемой Скарляндии, которая наконец-то готова дать сдачи любому агрессору.

– Ваше высочество! – воскликнул он и, бодро вскочив, жарко поцеловал мне руку с перстнем. – Только прикажите!

Я улыбнулся красиво и державно, а под этой общей улыбкой еще и моя маленькая, личная, дескать, фу, все прошло как по маслу, а я боялся, временами все еще не верится, что для успеха в жизни хватает уверенного тона и громкого голоса, а для простолюдинов вообще достаточно одной наглой морды.

– В Древоград, – скомандовал я. – Над Скарляндами восходит новая заря перемен и лучших времен!

Бобик улыбается во весь рот, мне кажется, все понимает или все чувствует, собаки – прекрасные эмпаты, уже выполняет мои приказы до того, как произнесу их вслух, и сейчас помчался в сторону Скарляндии, оглядываясь через плечо, морда веселая, хоть и страшноватая.

Шварцкопф и вожди племен выждали, когда проеду мимо, пристроились сзади. Я крепился, удерживаясь от желания послать недоумевающего Зайчика в полный карьер, это будет позором для остальных, пришлось приноровиться к их скачке, которую они считают очень быстрой.

К счастью, те выдвинулись не так уж и далеко от Древограда, я вытерпел черепашую скачку и даже улыбался, когда меня встретила восторженная толпа, а потом, ну конечно же, как это без него, начался шумный и бестолковый пир очень свободных и раскованных людей.

Глава 9

В резиденции Шварцкопфа, которую он настойчиво предлагал для постоянного или хотя бы временного проживания, я провел сутки, на мой взгляд и этого много, переговорил со всеми вождями, выяснил размер их земель, количество населения и, в частности, воинов, размеры стад, чего хотят и что могут, наконец сердечно распрощался и сказал твердо и ясно, что труба Господа зовет, а я, им призванный, должен и обязан!

Провожать меня вышли толпой, все вожди племен, все-скарляндский, так сказать, Совет Лордов.

Я еще раз сердечно распрощался, обнял Шварцкопфа и заверил, что начинается новая жизнь, такое повторять можно много раз.

Ханкбек взмахнул дланью, из конюшни бегом вывели Зайчика, он красиво потряхивает гривой, глаза веселые, явно сожрал там что-то лакомое, может быть, железный засов на воротах.

Бобик выглянул из кухни, в глазах вопрос: что, уже едем? А я тут еще не всех объел...

– Вылезай, мироед, – сказал я ему громко и улыбнулся Шварцкопфу, – избаловали мне собачку. Раньше народ от него шарахался, а теперь его даже куры не боятся.

Он весело засмеялся, очень довольный своим гостепри-

имством, а я с некоторой тревожностью проследил взглядом за всадником, что влетел через ворота с такой скоростью, что едва не оторвал себе ногу, задев в спешке за столб.

К нему бросились наперерез как слуги, как и воины, он что-то прокричал им, указывая в мою сторону. Там начали оглядываться, лица у всех быстро мрачнели.

Я ощутил неладное, надо поскорее смываться, что-то здесь нарушилось, а выяснять безопаснее не здесь, однако несколько человек сразу же бросились в нашу сторону, быстро-быстро зашушукались с вождями.

– В общем, – сказал я Шварцкопфу, – мы все уточнили... Увидимся скоро и уже тогда...

Я опустил ладонь на седло, но люди забежали вперед, загораживая дорогу. Шварцкопфу и Ханкбеку торопливо нашептывали, а те быстро темнеют лицами, брови сдвигаются над переносицей.

Стиснув челюсти, я ждал, а вожди, быстро переговорив, окружили меня плотным кольцом.

Ханкбек мялся, я видел, что ему очень хочется что-то сказать, но не решается, и тогда на помощь пришел Шварцкопф, как бы на правах хозяина, принимающего как меня, так и всех остальных.

Он поклонился и уставился на меня вопрошающими глазами.

– Граф, – сказал я.

– Ваше высочество, – проговорил он сдавленным голосом.

– Что-то случилось? – спросил я.

Он ответил с поклоном:

– Ваше высочество, к нам только что примчался наш человек из Варт Генца.

Я ощутил недобрую недоговоренность, а он замялся, но на этот раз уверенно сказал Ханкбек:

– Он принес ужасные вести, ваше высочество!

– Да ну, – ответил я успокаивающе, – что там могло случиться?

Он прямо и твердо посмотрел мне в глаза.

– Он рассказал... рассказал... мне это даже трудно выговорить, вы сами видите, но вы, как он сообщил... приняли там титул эрцфюрста!

Я втихомолку перевел дыхание, успел перебрать несколько сот вариантов всемирных катастроф и около тысячи локальных, а тут как бы не совсем катастрофа, хотя смотря для кого.

– Да, – сказал я сдержанно, – вартгенцы были очень любезны и еще более настойчивы.

– Да, – сказал Шварцкопф громко под ропот толпы, – они такие, настойчивые и настырные... Но это ущемило и даже обидело нас, скарляндцев!

Я сказал досадливо:

– Чем это вас могло обидеть? Через пару недель или раньше сюда придет огромная армия, на золотых знаменах которой герб великой и непобедимой Скарляндии!.. С этой ар-

мией можно отразить натиск любого врага, пусть даже это будет Карл, вздумавший пройтись здесь новым походом. Так что вам какие-то слова или жесты Варт Генца?

Народ снова недовольно зашумел, Шварцкопф вскинул ладонь, все медленно и неохотно затихли.

– Дали бы вам, – проговорил он медленно и весомо, словно несет на плече бревно, – высокий титул другие наши соседи, Бриттия или Бурнанды, никто бы здесь и ухом не повел! Но Варт Генц... у нас с ним особые счета, подозрения и опасения. Бриттия не претендует на земли Скарляндии, а вот Варт Генц...

Я отмахнулся:

– Не берите в голову.

Он покачал головой:

– Ваше высочество, приходится. Однако, хотя новость только сегодня достигла наших ушей, мы очень быстро придумали выход, а это говорит о том, что скарляндцы быстрее соображают, чем вартгенцы.

Я спросил с подозрением:

– Ну-ну, что же?

Он сказал с подъемом:

– Теперь-то вы примете королевскую корону!

Я посмотрел на него в упор.

– А это не будет... слишком нескромно?

– Почему? Вся власть в ваших руках! К тому же вы обещали...

Я покачал головой.

– Я сказал, что приму решение через год. А прошло полгода, даже меньше. К тому же... как бы сказать, это будет выглядеть не совсем хорошо. Именно потому, что вся власть в моих руках.

– Ваше высочество?

– Будет выглядеть, – объяснил я, – что сам себя короновал.

– Но все наши вожди единогласно...

– ... и в едином порыве благодарных сердец, – закончил я, – нет-нет, это не пройдет.

Он возразил упрямо:

– Ваше высочество, вы тем самым серьезно обидите всех скарляндцев.

– Чем плох титул князя?

Он вздохнул, развел руками.

– Как ни крути, но эрцфюрст – выше. Я переговорил со всеми знатоками, и почти все говорят, что да, таким образом Варт Генц как бы имеет право и на наши земли.

Я воскликнул с досадой:

– Да мало ли что говорят!

– Нет, ваше высочество, – сказал он упрямо. – Если бы так говорили бурнандцы, мы бы только посмеялись. Но это Варт Генц... Такие разговоры явный урон нашей чести и нашему достоинству. Вы должны принять корону!

Я вздохнул:

– Хорошо. Нет-нет, ликовать рано, я говорю «хорошо» в

смысле, что подумаю. И решу.

– Ваше высочество, примите правильное решение!

– Да что там правильное, – сказал я зловеще, – я приму верное! А вы должны поступить еще более мудро, чем ваши соперники в Варт Генце!.. Они на этот раз не стали настаивать, чтобы я принял королевскую корону!.. Помните, сперва это была их идея? А потом такая же появилась и у вас?

Он хмуро кивнул:

– Да, помним.

– И вот на этот раз, – сказал я с напором, – они, узнав, что я принял от вас титул князя, не стали предлагать мне корону короля, чтобы Варт Генц считался выше Скарляндов! Почему?

Он посмотрел на меня в замешательстве.

– Почему, ваше высочество?

– Да потому, – сказал я горько, – что уже понимают, осталось всего полгода, мои полномочия графа истекут, я вернусь в Армландию, а они выберут своего короля. Возможно, за эти полгода сумели лучше подготовиться и смогут обойтись без гражданской войны?.. Так почему бы вам не поступить так же?

Он пробормотал:

– Но корона... почему не принять корону?..

– Время течет везде одинаково, – сказал я. – Для Скарляндии осталось тоже полгода. Но я придумал, как вам быть и дальше выше по табели о рангах. Вернее, не я сам придумал,

мал, но... в общем, я всю ночь бдил как бы в церкви... у нас, паладинов, она внутри нас, в сердцах наших пламенных, и молился Господу, чтобы послал откровение, подсказал, как верно поступить в моей жизни сегодня, завтра и вообще, что сказать кому и как кого чем и когда... И уже к утру мне было озарение, когда в небесной мощи явился ангел, блистающий так, что глаза на лоб лезли, и он предупредил, что вот прискачет гонец, сообщит, а вы после чего будете предлагать мне корону. И что мне вместо того, чтобы отпираться, как я вот делаю по упрямству и нежеланию подчиняться даже ангелам, нужно согласиться на титул рейхсфюрста. Он выше эрцфюрста, тем самым Скарлянды по статусу будут впереди. Но не намного, а чуть-чуть, как и положено между братьями, старшим и младшим. Старший, понятно, Скарлянды, если вы не сильно против!

В народе сперва слушали сердито, но внимательно, потом глаза распахивались шире, нижние челюсти отвисали, на лицах проступили восторг и благоговение.

Шварцкопф посмотрел на меня вытаращенными глазами, затем просиял, хлопнул себя ладонью по лбу.

– А ведь верно, – сказал он радостно громовым голосом. – Рейхсфюрст – это же самый высокий титул, выше любого из фюрстов, даже эрцфюрста!.. Это, действительно...

Ханкбек сказал громко:

– Как же Господь все видит наперед!..

– Паладины, – сказал Гардард, вождь ятваргов, – первые

воины Господа на земле, как ангелы на небе.

– А сэр Ричард, – продолжил вождь ляндерей Калейдер, – первый среди паладинов!

Я замотал головой:

– Нет, тут вы ошибаетесь. Я встречал паладинов достойнее меня... Но вы правы в том, что я часто беседую с Господом и поступаю согласно его велениям. На этом прощаюсь с вами!.. Ждите меня очень скоро с Великой и Победоносной, познавшей радость побед.

Ханкбек пробормотал, придерживая мне стремя:

– Хотя все равно не могу понять, почему отказываетесь от короны короля... но, ладно-ладно, титул рейхсфюрста в самом деле лучший компромиссный вариант, чтобы стать выше Варт Генца... Мы будем ждать вас с нетерпением, ваше высочество!

Рас-с-с-сту, послышалось ироничное в свисте встречного ветра. И ускоряюсь. Это же рекорд, никогда еще не перепрыгивал так быстро по лестнице титулов! Неделю назад стал эрцфюрстом, а сегодня вот – рейхсфюрстом. Рейхсфюрст – это «имперский князь», то есть никому здесь не подчиняется, кроме как самому императору, да и то не прямое подчинение, а право на участие в правлении империей.

Хорошо, здесь нет титулов «светлый князь» или «светлейший», а также «великий князь», а то бы протащили и по ним мордой, как по неровной булыжной мостовой, да не поперек,

а вдоль во всю длину...

Надеюсь, скоро это закончится...

Как? Не знаю пока...

Стоянка войск около Тоннеля под началом Паланта за эти дни стала втрое шире. Бобик сразу ускорил бег и пропал между шатрами, а я начал придерживать арбогастра, мило-стиво улыбнулся часовым, а в расположение лагеря въехал шагом.

Палант примчался со всех ног, успел подержать мне стремя, в то время как воины ухватили повод, лица радостные, еще бы, со мной даже рядовые огребают богатую добычу.

– Сэр Гевекс, – сказал я церемонно.

Палант откликнулся с готовностью:

– Ваше высочество!

– Что нового? – спросил я.

– Рыцари! – выпалил он.

– Что с ними?

– Прибывают и прибывают! – сказал он быстро и жарко. –

Никогда войска не перебрасывали из одного королевства в другое с такой скоростью!

– То ли еще будет, – сказал я. – Пойдемте в шатер. Нужно уточнить и состыковать некоторые детали.

В шатре, грея озябшие за время быстрой скачки руки о чашку с горячим кофе, я внимательно выслушал доклад насчет прибавления за это время рыцарей, копейщиков, тяжелой пехоты и лучников.

Слуги внесли жареное мясо и птицу, я бодро разорвал перепелку, жадно вгрызся в нежное пахучее мясо.

Палант, помявшись, сказал осторожно:

– Ваше высочество...

– Сэр Ричард, – напомнил я.

– Сэр Ричард, – сказал он смущенно и в то же время обрadowанно, я не забываю, что он один из тех, с кем я начинал в Армландии. – Тут ходят слухи, что эту всю великолепную армию придется передать под управление скарляндцев и вартгенцев...

– Точно, – подтвердил я.

– И одну из тех, – спросил он, – которые ведут сюда барон Альбрехт и Клемент Фитцжеральд?

– Точно, – повторил я. – А что, это как-то беспокоит?

Он сказал с сомнением:

– А не слишком ли это...

– Что?

– Рискованно, – договорил он с недоумением. – Армии наши, а вы назначаете главнокомандующими скарляндца Шварцкопфа и вартгенца Меганвэйла...

– А что вас, дорогой друг, беспокоит?

Он сказал почти жалобно:

– Ну... они же мечтают о сильных королевствах, самостоятельных... А когда увидят, как вы ограничиваете их свободы, то могут... гм... как бы сказать повежливее...

– Не надо вежливее, – сказал я строго. – Здесь свои, мы

не на приеме.

– Две могучие армии в их руках... гм...

Он смутился и умолк, я покачал головой.

– На самом деле армии всегда в руках тех, кто платит им жалованье и покупает штаны. Все налоги, как вы знаете, отныне свозятся только в мой карман. Или, говоря обтекаемо, в государственную казну того объединения, которого нет, но которое точно будет.

Он чуть посветлел, даже вздохнул с облегчением, но все-таки спросил с недоумением:

– Но тогда зачем эти Шварцкопф и Меганвэйл?

Я поинтересовался:

– А кто?

– Пусть бы барон Альбрехт и сэр Фицджеральд и оставались бы главнокомандующими...

– Не местные, – напомнил я.

Он сказал жалобно:

– Как-то обидно: приведут две армии и отдадут местным...

– ...сепаратистам, – закончил я. – Знаю-знаю, все учтено. Во-первых, обе армии составлены из их жителей только наполовину, а то и меньше. Во-вторых, населению королевств очень важно видеть, что армией все-таки командуют их наиболее знатные лорды. Это создает иллюзию независимости.

– А в-третьих?

Я посмотрел на него остро.

– А что, должно быть?

Он огляделся по сторонам и сказал совсем тихо:

– Я хоть и молод, но давно с вами, сэра Ричард. И знаю, что у вас наверняка есть и «в-четвертых».

– «Во-четвертых» знать пока рано, – сообщил я строго, – а вот «в-третьих» скажу, но и то под большим секретом. Шварцкопфа и Меганвэйла я не оставлю там надолго. Ротация кадров, дорогой друг, необходимейшая вещь, не знали? Чтобы не застаивались, не прорастали корнями... но есть и другие причины. Я обязательно найду работу для графа Шварцкопфа и Меганвэйла в Сен-Мари, на островах или на кораблях.

Он повеселел, хотел что-то сказать, но за шатром послышались крики, конский топот, звон оружия.

Глава 10

Я насторожился, а Палант, ухватив меч, выскочил стремглав, едва не сорвав полог. Торопливо дожевав половинку умело зажаренной перепелки, я вытер руки, как и положено, о скатерть и вышел следом, чувствуя тревожащий запах горелого мяса.

В трех шагах от шатра на землю опустили на расстеленном плаще человека в наполовину сожженной одежде.

Я охнул, узнав графа Меркеля, который так умело сосватал мне свою госпожу, красноволосую и дикую Ротильду.

Первое желание было немедленно ухватить графа и подлечить: половина лица красная и в пузырьях, пахнет горелым мясом, от бровей и роскошных волос не осталось и следа.

– Граф, – позвал я, – вы меня слышите?

Он открыл глаза, красные, с настолько сильно полопавшимися сосудами, что там все залило кровью.

– Ваше высочество...

Его тело изогнулось в судороге, зубы начали стучать сильно и часто. Я наклонился и, тщательно контролируя стремление паладина спасти и лечить, коснулся головы графа и тут же отнял руку.

– Ого, у него жар!..

Палант сказал почтительно:

– Да, ваше высочество. У меня даже пальцы печет.

– Отнесите его, – сказал я, – в тихое место. Пусть отдохнет, потом сообщит или даже расскажет, что стряслось.

Палант шепнул:

– Думаю, это не простое ограбление. Он посол, а такие люди по темным улицам ночью не шатаются. Для них репутация – все.

Я сказал хмуро:

– Лучше бы грабители.

– Почему?

Я пожал плечами.

– Я бы дал ему новое платье, немного денег и посоветовал бы в следующий раз быть осторожнее.

Палант сказал осторожно:

– Похоже, он стремился добраться именно к вам.

– Но не успел, – сказал я.

– Не успел, – повторил он и посмотрел на меня испытующе. – Думаете, не доживет до утра?

Я широко перекрестился и сказал со значением:

– Все в руке Господа. А мы, палadini, лишь помогаем по мере сил. Пусть отдыхает, а мы вернемся к своим перепелкам, там еще три штуки, у меня аппетит что-то совсем разыгрался. Заодно еще раз прикинем и уточним, где поставим наши гарнизоны в Скарляндах и Варт Генце...

Палант все же удивился, но еще больше удивился я, так надо, когда вошел оруженосец Паланта и сообщил, что по-

сол Ее Величества королевы Мезины граф Меркель просит аудиенции у его высочества Ричарда Завоевателя.

Я помедлил с ответом, Палант жалобно взмолился:

– Сэр Ричард!

Я сказал неохотно:

– Ладно, если вы настаиваете. Перепелок всех съели?..

Ладно, тогда дадим эту самую аудиенцию. Только предупреждаю, ничего хорошего он не скажет. И вообще ничего доброго нам разговор с ним не сулит.

– Ваше высочество! – воскликнул он.

Я кивнул оруженосцу:

– Пусть войдет.

Палант казал торопливо:

– Я вас покину, а то брякну что-нить. Или услышу такое, что ночь спать не буду.

Я кивнул, он выскользнул из шатра, а спустя минуту под руки ввели графа Меркеля. Половина лица распухла, вся не просто красная, а багровая, в жутких волдырях. Обгоревшую одежду заменили на достаточно пристойную, хотя и великоватую по размерам, но, думаю, это нарочито, чтобы не натирала раны.

На меня он смотрит одним глазом, второй закрывает огромная багровая опухоль, что нависает сверху и подпирает снизу так, что оба волдыря борются за сферы влияния, так мне видится с моей государственной точки зрения.

– Граф, – сказал я, – рад вас видеть, хоть и предпочел бы

встретить в иной обстановке.

– Ваше высочество...

– Если трудно, – сказал я, – то вообще не двигайтесь, обойдемся без танцевальных поклонов. Рассказывайте, что с вами стряслось такое вот увлекательное.

– Ох, ваше высочество...

– Да, – согласился я, – я это самое. И сразу же, чем можем вам помочь?

Это я сказал сквозь зубы, нельзя не сказать, даже не я сказал, сам бы я ни за что, явно же какие-то неприятности у посла, но что-то из меня сказало, вот раскрыло мой рот и сказало, черт бы побрал мое прекрасное воспитание и вообще мою замечательность и редкую, скажем честно, отзывчивость!

Он позволил себя усадить в кресло, лицо несколько раз перекашивалось судорогой, но мужская гордость не позволила стону вырваться сквозь стиснутые зубы.

Я терпеливо ждал, нельзя понукать, догадываюсь, а он перевел дыхание и ответил хриплым голосом:

– Благодарю вас, ваше высочество, за такую заботу. Удивительно, но мне намного лучше. Хотя мне сказали лекари, что эти ожоги меня добьют.

Я спросил настойчиво:

– Но что стряслось?

Он махнул рукой, перекривился от боли.

– Ох... Моя госпожа просчиталась с герцогом Блекмо-

ром...

Я кивнул:

– Думаю, это был не первый ее промах.

Он посмотрел с недоумением:

– Простите?.. Ах, вы о том, что не предусмотрела мер против заговора и свержения с трона... Да, это было, но это практически ее единственная ошибка. А так она до того времени правила королевством уверенно и решительно. Как при муже, так и после его смерти.

– А что с герцогом?

Он поморщился, дернулся от боли.

– Она, оказывается, приняла его ухаживания за признаки любви, что неудивительно при ее красоте и положении. Я еще тогда пытался намекнуть, что любвеобильный герцог ухаживает вообще за всеми молодыми женщинами.

– И что?

Он пошевелил плечами, снова поморщился.

– На меня прикрикнули.

– Понятно, – сказал я. – А сейчас герцог вовсе не горит связать свою жизнь с изгнанницей?.. Пока была королева, он засыпал письмами, верно?

– Вы очень проникательны, ваше высочество.

Я фыркнул:

– Да тут не надо быть проникательным, все как на ладони. На королеве он бы охотно женился, чтобы стать королем Мезины, а изгнанная зачем ему?.. Еще и неприятности мо-

гут быть со стороны Голдвина Адорского, если тот решит, что теперь Ламбертиния занимает враждебную позицию.

Он склонил голову.

– Ваше высочество излагает... все очень точно. Ничего не могу добавить, увы.

Я посмотрел на него остро.

– Это не все. Что случилось дальше? Почему вы не рядом с Ротильдой и что с вашим лицом?.. Кстати, позвольте предложить лекарство...

Я сотворил двойную порцию простого мороженого в вафельном стаканчике и сунул ему в руку. Граф взял с осторожностью, но ощутил идущий от угощения холод и ухватил обеими ладонями.

Лицо его стало совсем темным, а когда заговорил, голос звучал хрипло и надтреснуто:

– Дело в том, что герцог выяснил, что узурпатор Голдвин Адорский намерен ограничиться всего лишь захватом власти в королевстве. Он никого не лишал прав и даже не стал отбирать у Ее Величества земель и владений, что было воспринято очень благожелательно всеми лордами королевства Мезины, так как каждый опасался и за свои... Итак, узурпатор Голдвин оставил все земли Ее Величества в ее распоряжении, остальные хозяева в королевстве поворчали, но их лично не задело, и никаких восстаний не произошло.

Я буркнул:

– Продолжайте. Кажется, догадываюсь.

– Вы очень проницательны, – сказал он со вздохом, – ваше высочество. Как только герцог узнал, что все земли Ее Величества узурпатор оставил в неприкосновенности, то есть в ее собственности, он тут же предложил ей руку и сердце.

– Однако Ротильда отказалась, – сказал я.

Он наклонил голову.

– Ее Величество к этому времени многое переосмыслила. Она мчалась к герцогу, уверенная, что он сразу окажет ей военную помощь.

– Начать войну? – спросил я скептически.

Он покачал головой:

– Нет-нет, никакой войны. Дело в том, что в Мезине все-таки у Ее Величества сторонников даже больше, чем у нашего узурпатора. Просто сэр Голдвин и поддерживающие его оказались намного активнее... Но достаточно бы герцогу явиться с войском, даже небольшим, как чаша весов качнулась бы на сторону Ее Величества...

– И как поступил герцог, – поинтересовался я, – когда Ротильда ответила ему отказом?

Он делал вид, что не замечает, что я упорно называю ее по имени, для меня она не королева, помедлил, явно переждал приступ боли, поднял на меня взгляд, полный тоски.

– Мы все были в его руках, ваше высочество. Как Ее Величество, так и немногие верные придворные, что пробрались из Мезины в Ламбертинию, чтобы продолжать служить Ее Величеству. Когда Ее Величество отвергла предложение гер-

цога, он пришел в ярость и немедленно заточил ее в тюрьму.

Я подумал, сказал осторожно:

– Надеюсь, как и полагается особи королевской крови? В отдельном дворце, со штатом прислуги, с фрейлинами и всем необходимым. . .

– Ваше высочество, – сказал он горько, – на этот раз вы ошиблись. Мы тоже думали, что все будет так, как вы говорите, когда услышали приказ герцога.

– А что получилось?

Он сказал горько и с расстановкой:

– Ее Величество заточили в Башню Смерти. Ну, так обычно в любом королевстве именуется наиболее ужасная тюрьма для самых отъявленных. Причем в этой башне ее поместили не в верхние этажи, а в самые нижние, где вообще жутко.

Я стиснул челюсти, но напомнил себе, что это не мое дело, у меня своих забот хватает.

– Это продлится недолго, – заверил я. – Он просто старается ее припугнуть. Но его же лорды быстро надавят, они не позволят так обращаться с королевой. . . пусть и свергнутой! Ему придется все вернуть назад, да еще и извиниться.

– Вряд ли, – ответил он со вздохом.

Я спросил с интересом:

– Что, герцог настолько крут?

Он ответил невесело:

– Вы даже не представляете, насколько. Достаточно и того, что хотя его герцогство и зажато между двумя могучими

королевствами, но они никак не могут сломить его сопротивление! А еще он умело и достаточно жестко управляется со всеми лордами, что время от времени пытаются добиться от него каких-то льгот и уступок.

Я помолчал, граф ничего от меня не ждет, ничего не просит, просто смотрит одним уцелевшим глазом, во взгляде нет ни укора, ни жалобы.

– И что, – сказал я с вызовом, – Ротильда полагает, что я предприму какие-то дипломатические шаги по облегчению ее участи?

К моему удивлению, он покачал головой:

– Нет.

– Что? – изумился я. – Это на нее не похоже.

Он ответил грустно:

– Ее Величество очень изменилась в изгнании.

– В чем?

– Раньше, – ответил он так же невесело, – Ее Величеству казалось, что мир у ее ног. Молодая, красивая, блистательная, умная, все у нее получалось... Но после той катастрофы, когда у нее отняли трон, в ней что-то надломилось. Она увидела, что мир совсем не таков, каким она его считала.

– Повзрослела, – определил я.

– Да, – согласился он, – потому никакой помощи не ждет.

Я посмотрел на него с подозрением.

– Тогда почему вы здесь?

Он сказал слабо:

– Мне, из-за близости к Ее Величеству, везде грозила смерть. Она могла всегда рассчитывать на меня, это знали. И если эту ниточку взять и обрубить... Единственное, что могло спасти мою жалкую шкуру, – ваша грозная слава.

Я буркнул:

– Не очень-то и спасла.

– Это случилось по дороге, – сообщил он. – Догнали, мерзавцы... Я все амулеты истратил, чтобы защититься.

– От всех сумели? – спросил я.

Он кивнул.

– Да, там был отряд в двенадцать человек, из них два мага. Но я не воин, мне совсем неважно, что их кости теперь растаскивают дикие звери, а вот амулеты жаль.

– Да, – согласился я. – Но если они у вас с собой, давайте я наполню их энергией. С некоторыми удастся.

Он посмотрел с удивлением:

– Правда? Если бы знал, не стал бы выбрасывать. В общем, если не выгоните из пределов своих владений... или своего влияния, то, думаю, сюда не решатся.

– Напрасно так думаете, – сказал я, морщась. – Мои пределы... нечто весьма аморфное. Я и сам не знаю, где эти пределы и какие они. Я сам вообще-то беспредельщик, самому страшно, а иногда и противно... Да что там пределы! Не знаю, что и внутри. И вообще... Я почти в таком же положении, как и Ротильда. Только у меня это не так видно.

Он молчал, тихий и подавленный. Наконец, видя, что я

вроде бы хочу услышать какую-то реакцию на свои умности, произнес слабым голосом:

– Ваше высочество, я просто беглец. Помощи не прошу, вы и так мне оказали ее просто безмерную...

– Пустяки, ничего я вам не оказал.

– Я жив, – напомнил он, – это благодаря вам, я все понимаю. А с Ее Величеством... Возможно, вам в самом деле просто лучше забыть об этом досадном происшествии. Уверю вас, все государи и лорды прекрасно понимают, что узы временного брака вас ничем не связывают и не обязывают. Потому никто не осудит и даже слова не скажет, что вы не отреагировали на заключение Ее Величества королевы Мезины в тюрьму.

Я сказал с облегчением:

– Вот и славно. Спасибо, граф! Вы меня успокоили. Отдыхайте, выздоравливайте. Уверен, вы быстро пойдете на поправку. А у меня в самом деле столько дел, что о Ротильде я как-то, уж простите, вообще забыл.

Он поклонился:

– Вы совершенно правы, ваше высочество. Я в курсе ваших великих дел. Они потрясают воображение! Вам в самом деле даже на небо взглянуть некогда.

Я поднялся и сам помог ему встать, опередив слугу. Снова постарался не слишком уж залечивать его жуткие ожоги, пусть лучше недооценивают мои способности паладина, чем переоценивают.

Глава 11

Оставшись в шатре наедине с собой, я развернул карту, отыскал на ней это самое герцогство Ламбертинию и внимательно прошелся взглядом по его границам. Впервые о нем услышал в то теперь такое далекое и счастливое время, когда я, тогда еще безбаннерный рыцарь, прибыл на Каталундский турнир в честь свадьбы короля Барбароссы.

Он в те дни взял в жены Алевтину, дочь короля Джона Большие Сапоги, и все сразу заговорили, что брак чисто политический: между королевством Барбароссы и Джона раскинулось обширное и богатое герцогство Ламбертиния, где царят благополучие и процветание. Герцогство превосходит королевства Барбароссы и Джона, вместе взятых, герцог вполне мог бы объявить себя королем, но какие-то древние запреты запрещают, что герцога, понятно, раздражает, однако поделаться ничего не может. Барбаросса рассчитывал, что вдвоем прижмут герцогство с двух сторон, однако у короля Большие Сапоги было свое на уме: он оставил королевство на зятя, доказавшего свое умение захватывать и удерживать власть, а сам ушел в монастырь замаливать грехи.

Так что сейчас Ламбертиния по-прежнему процветает между землями короля Джона и маленьким драчливым из-за бедности королевством, что формально остается под рукой Барбароссы, но давно уже живет своим умом и под управле-

нием местных лордов.

Правда, с этой стороны герцогство самым краешком в полсотни миль граничит и с Шателленом...

Я задумался, с королем Найтингейлом у нас хорошие отношения, я усиленно превозношу их, как дружеские, однако ему очень не понравится, если бы я вдруг вздумал повести уже собранную армию через его королевство.

Тем более прекрасно понимает, что могу не удовольствоваться только освобождением своей «жены».

Я вздрогнул, поймал себя на мысли, что на полном серьезе прикидываю, как буду освобождать Ротильду, хотя только что обоснованно и ничуть не кривя душой объяснил графу Меркелю, что и пальцем не шелохну для того, чтобы хоть как-то вмешаться.

Дуракам жениться вообще противопоказано. Говорят, женитьба – умная вещь для дурака и глупая для умного, но я точно сглупил, что значит, вроде бы умный, но раз сглупил, то дурак? Или умный, женившись, резко глупеет?

Жениться надо так же, как умираем, – то есть только тогда, когда никак иначе, но я женился, поддавшись мелочному расчету, и вот теперь аукнулось. Мораль – нельзя быть мелочным. Если уж воровать, то по-крупному, чтобы после отсидки что-то осталось. В смысле, за это стоило проходить через неприятности.

Выглянув из шатра, велел коротко:

– Паланта ко мне!

Часовый сказал торопливо:

– Сейчас найдем. И еще, ваше высочество, вы не поднимайтесь, просто крикните! Мы услышим. И все сделаем.

– Спасибо, – сказал я, – забота о сюзерене – это весьма, да.

– Дык и вы о нас же, – возразил часовой и, передав копьё соседу, унесся со всех ног.

Хорошее время, мелькнуло в голове. Я – полевой вождь, вот и заботятся. Но как только рассядусь на троне, каким бы ни был и что бы ни делал, все равно стану для всех говном, который только хапает, насильно имеет чужих жен при дворе, ест сало с медом и вообще даже спит на бриллиантах.

Палант появился встревоженный, но с огнем в глазах, расправил плечи и замер у входа.

Я сказал сварливо:

– Давай без этих придворных штучек. Тащи свою карту... Та-а-ак, у нас сейчас три армии в этом регионе. Будакер наверняка уже привел свою и готовится располагать в Турнедо, Клемент и Альбрехт ведут в Скарлянды и Варт Генц. Та-а-ак... шли гонца к Будакеру, пусть пока не распределяет отряды по гарнизонам, а немедленно двигается через Шателлен вот по этой дороге прямо в Ламбертинию...

– Ваше высочество!

– Слушай и выполняй, – сказал я строго и ласково. – Второе – графам Магенвэйлу со своими полководцами и безработными военачальниками и графу Шварцкопфу с вождями срочно выступить навстречу армиям... Победоносным и

Прославленным в боях, принять командование и вести вот по этим дорогам...

Палант проследил за моим пальцем, глаза стали еще шире.

– Ваше высочество!

В его светлом голосе были страх и недоумение.

– Что тебя смущает? – спросил я.

– Но ведь это вторжение в королевство Шателлен!.. Тремя армиями! Его Величество не допустит... Это война?

Я поморщился, сказал сердито:

– С королем Найтингейлом постараюсь договориться. Он человек чести. А кто останется равнодушным, если жену его союзника безобразно хватают и швыряют в темницу, как будто она и не она вовсе?.. Если Найтингейл нам не поможет, он покроет себя позором во всем цивилизованном мире и за его пределами. Вот увидишь, он и сам постарается, для короля репутация – власть и деньги!

Палант покачал головой:

– Даст отряд в десяток лучников?

– Главное, – сказал я наставительно, – участие в общем деле. Символическое участие – тоже участие. В общем, все понял?..

– Ну да... ваше высочество...

– Хорошо, – сказал я, – трудись, пчелка моя железнобокая. А я пока побегу вперед, как всегда у меня почему-то, буду прометать вам дорожку, чтобы никто не споткнулся.

Он смотрел на меня с завистью.

– К Найтингейлу? Ваше высочество, вы хоть в бой без нас не вступайте, дождитесь!

– Тогда спешите, – ответил я с достойным лорда высокомерием.

Он спросил вдогонку:

– Ваше высочество, можно один вопрос...

Я ответил раздраженно:

– Палант, что за церемонии? Просто спрашивай!

– Ваше высочество, – спросил он умоляющим голосом и от неловкости даже слегка заискивающим, что для него непривычно, – вы всех нас сюда увели... Даже Растера и Альбрехта, что всегда оставались в Сен-Мари вашими верными помощниками.

– Ну-ну быстрее, я на пороге!

– Ваше высочество, – сказал он уже чуть настойчивее, – это не только меня беспокоит! А кто остался в Сен-Мари?.. Ваша власть там не дрогнет? Не пошатнется? Сэр Ричард, это и наша власть!

Я сказал тепло:

– Палант, спасибо, что думаешь и об отечестве. В Элладе тех, кто не ходил на выборы главы государства, вообще изгоняли из государства. В Сен-Мари герцоги Готфрид и Ульрих должны в мое отсутствие завоевать симпатии местных лордов, а также как можно больше голосов для Готфрида.

Он сказал тревожно:

– Не жаль отдавать корону?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.